

115. v
ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. ПЕТРА СТУЧКИ

**ВОПРОСЫ СТИЛЯ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ**

**УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТОМ 115**

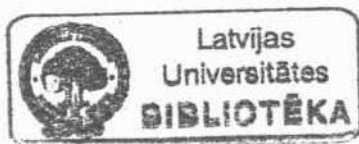
**ТРУДЫ КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. ПЕТРА СТУЧКИ

ВОПРОСЫ СТИЛЯ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТОМ 115

ТРУДЫ КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ответственный редактор

кандидат филологических наук, доцент Н. А. Донец

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент Н. Д. Боголюбова,
кандидат филологических наук, доцент З. А. Толмачева,
ассистент Я. Я. Кушкис.

КРАТКАЯ АННОТАЦИЯ

К УЧЕНЫМ ЗАПИСКАМ КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

1. В статье **Н. П. Гусаровой** «Некоторые приемы и языковые средства создания портретных зарисовок в рассказах М. Горького «По Руси» сделана попытка выявить приемы и проследить, какими языковыми средствами пользуется М. Горький для создания портретных характеристик своих героев.

Автором данной статьи подмечены и описаны приемы постепенности обрисовки внешнего облика героя, заострено внимание на отдельных деталях внешности (лице, глазах) с учетом настроения героя и его психологии, свойственных ему черт и вообще всего внутреннего его мира.

К языковым средствам относятся анималистические сравнения и эмоционально насыщенные метафорические эпитеты.

2. В статье **Н. А. Донец** «Семантические особенности двойных глагольных бессоюзных сочетаний в рассказах А. М. Горького «По Руси» и их толкование» сделана попытка описания парных глагольных сочетаний в цикле рассказов «По Руси». В статье рассмотрено 150 глагольных сочетаний, в основном вступивших в синонимические отношения друг с другом.

По степени слажки компонентов все сочетания разделены на три группы, каждая из которых имеет свои семантические особенности, определяющие возможность их совместного или раздельного толкования.

Рассмотренный материал позволяет выявить индивидуальные особенности стиля М. Горького в рассказах «По Руси», своеобразие его мастерства.

3. Статья **И. Я. Элсберг** «Некоторые наблюдения над употреблением местоименных форм винительного падежа ж. р. ТУ, ТУЮ, ТОЕ, ТОЮ в древнерусском литературном языке» посвящена мало разработанному в русском языкознании вопросу.

В статье критически проанализирована научная литература по данному вопросу и сделана попытка выявить стилистические и грамматические особенности употребления данных форм с учетом хронологии и территориальной принадлежности памятников XVIII в.

В статье имеются новые данные об употреблении прослеживаемых местоименных форм.

4. В статье **Л. И. Немцовой** «Некоторые наблюдения над предложно-надежными конструкциями в Псковской летописи» рассмотрены глагольно-именные сочетания с пространственным, временным, причинным и целевым значениями, иссле-

дуются синонимия предложно-падежных конструкций в историческом плане, а также дублетные конструкции.

В результате исследования выявляется многообразие моделей предложно-падежных конструкций в Летописи и отмечается процесс вытеснения беспредложных конструкций предложными.

5. В статье **Н. Д. Боголюбовой** «К вопросу о порядке слов в Псковской 10й летописи» сделана попытка на фактическом материале Летописи проанализировать с точки зрения окружения места главных членов предложения и определить те факторы, от которых оно зависит: всегда ли словорасположение оформляет коммуникативное задание, какова роль летописного повествовательного стиля в словорасположении и каково соотношение порядка слов в Летописи с современным порядком слов.

6. В статье **М. Ф. Семеновой** «К вопросу о славяно-балтийских языковых связях» излагаются новые взгляды по теории вопроса, приводится материал латвийских топонимов, сравниваются предложные конструкции латвийских топонимов с соответствующими славянскими конструкциями и на этой основе выводится родство славянских и балтийских языков.

В результате исследования обнаружена новая, особая славяно-балтийская модель.

* * *

Все вышеназванные статьи представляют интерес для лингвистов и рекомендуются кафедрой для публикации.

НЕКОТОРЫЕ ПРИЕМЫ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА
СОЗДАНИЯ ПОРТРЕТНЫХ ЗАРИСОВОК В РАССКАЗАХ
М. ГОРЬКОГО «ПО РУСИ»

Среди довольно большого количества исследований по языку и стилю М. Горького еще очень мало работ, в которых бы изучалось мастерство портретных зарисовок писателя. Если литературные портреты исследуются в более широком плане,¹⁾ то портрету как средству характеристики героев в произведениях М. Горького уделяется еще недостаточное внимание. Можно указать лишь работы А. Н. Орфановой,²⁾ Н. Подвицкого³⁾, М. А. Чернышенко⁴⁾, в которых исследуются либо приемы портретной характеристики героев, либо выясняется стилистическая функция портрета в некоторых романах (например, в романах «Жизнь Клима Самгина» и «Дело Артамоновых»).

Настоящая статья посвящена анализу приемов и языковых средств, с помощью которых создаются портреты в рассказах М. Горького «По Руси». Мы ограничиваем свое исследование лишь наблюдениями над изображением внешности героев, в основном над изображением лица и глаз, которые всегда отражают внутренний мир человека, его психологическое состояние в разные моменты жизни.

Известно, что при работе над языком своих произведений М. Горький, стремясь к пластичности, живости образа, тщательно правил места, где была обрисована внешность героя.⁵⁾ А в письмах к начинающим беллетристам он советовал: «Пи-

1) См., например, работы: В. Я. Гречнев. Жанр литературного портрета в творчестве М. Горького. М., 1964 г.; Н. Николаев. Творческая история литературных портретов Горького. Автореферат кандидатской диссертации, Днепрпетровск, 1965 г. и др.

2) Портрет как средство характеристики в романе «Жизнь Клима Самгина». Тезисы докладов IV научной конференции горьковедов Поволжья, июнь, 1961 г.

3) Приемы портретной характеристики в романе «Жизнь Клима Самгина». Ученые записки Ульяновского пединститута, 1958 г.

4) Художественно-образительные средства романа «Дело Артамоновых». Наукові зап., т. II, Київ: 1958 г.

5) См. об этом, например, в работах Н. Белкиной В творческой лаборатории М. Горького, М., 1940; Н. Николаева Творческая история литературных портретов Горького. Автореферат кандидатской диссертации, Днепрпетровск, 1965 г.

сатель должен смотреть на своих героев именно как на живых людей, а живыми они у него окажутся, когда он в любом из них найдет, отметит и подчеркнет характерную оригинальную особенность речи, жеста, фигуры, лица, улыбки, игры глаз и т. д. Отмечая все это, литератор помогает читателю лучше видеть и слышать то, что им, литератором, изображено. Людей совершенно одинаковых нет, в каждом имеется нечто свое — и внешнее и внутреннее.»¹⁾

В рассказах «По Руси» Горький дает портреты-характеристики русских людей, сложных, противоречивых, «пестрых» и многогранных. Перед нами человек огромной жажды жизни и неумемного, светлого веселья — простой наборщик из типографии Сашка из рассказа «Легкий человек», народный певец-импровизатор Тимка из одноименного рассказа, купцы из рассказа «Вечер у Сухомяткина», для которых обильная еда и баня являются священнодействием, мещане с их бессмысленной, бестолковой жизнью («Вечер у Панашкина»), «чистенькая женщина с кроткими глазами богоматери» из рассказа «Гривенник» и брошенная на дно жизни безносая паклюжница Фролиха Машка («Страсти-Мордасти») и другие.

Их много — людей, которых Горький встречал на путях России за время своих странствий. Но все они запоминаются, так как зарисованы яркими, выразительными штрихами, показывающими внешность героев, раскрывающими их характер, отношение к окружающему.

Прежде всего следует отметить, что языковые средства и приемы создания портретных зарисовок у Горького, как правило, служат для передачи настроений героев, их психологического состояния, они способствуют также раскрытию существенных черт характера человека, помогают глубже разобраться во внутреннем мире героев.

Рисуя внешность персонажа, автор особенно часто обращает внимание на одну какую-нибудь деталь, бросившуюся ему в глаза. В таких случаях, чаще всего прибегая к своему излюбленному средству «зоологизму» сравнению, М. Горький подчеркивает внешнее сходство человека с животным или птицей: человек с собачьим лицом, с зверным лицом, с птичьим лицом, с зелеными глазами ящерицы, с глазами коровы, овечьи глаза, собачьи глаза. Таких анималистических сравнений в цикле рассказов «По Руси» довольно много.

¹⁾ М. Горький. Письма начинающим литераторам. Собр. соч. в тридцати томах, М., 1953 г., т. 25, стр. 117—118.

Так, у купца Пимена Кропотова «птичье лицо»:

«Как всегда между могил шляется Пимаша, тихопьяненький, разорившийся купец Пимен Кропотов — с маленьким птичьим лицом в сером пухе» (Кладбище, 91).

Здесь автор передает лишь внешнее сходство героя с птицей, на это указывает и другой пример, в котором обращается внимание на его «острый нос, будто кожа снята с него» (там же).

Этаким добродушным зверем рисует Горький привратника Серафима из рассказа «Калинин»:

«— Куда? — спрашивает Серафим, приблизив ко мне свое волосатое, звериное и бесконечно доброе лицо» — (186).

Здесь не только внешнее сходство со зверем, но и какое-то внутреннее подобие ему, что подчеркнуто в сравнении:

«И смеется. — рычит, как медведь» (там же).

У Мокея Будырина из рассказа «Ледоход» — «собачье лицо»:

«Мокей Будырин, мужик серый, с собачьим лицом — скулы и челюсти выдвинуты вперед, а лоб запрокинут, — человек молчаливый и неприметный —» (Ледоход, 20).

Вот Мокей, провалившись под лед, отфыркивается:

«Теперь, шлекая зубами и облизывая большим языком мокрые усы, он особенно стал похож на большого, смиренного пса», — заканчивает сравнение Горький.

Портрет довольно выразителен: собачий лоб, собачьи скулы и челюсти; человек с собачьим обликом — серый, молчаливый, старающийся казаться неприметным.

Мы видим не только внешнее сходство человека с животным, но ощущаем также общие черты характера: преданность хозяину, готовность постоять за него.

Особенно часто Горький описывает глаза героев, обращает внимание на их цвет, размер, характерные особенности. Часто они напоминают автору глаза животных: коровы, кабана, вола, овцы, кошки.

Чисто внешние признаки, а именно — цвет глаз, переданы в сочетании «овечьи глаза» — такого цвета, как у овцы. Это уточняет и контекст:

«На смуглой коже его лица (Тимки) ярко, точно рана, выделялись красные, всегда влажные губы, глаза у него овечьи, цвета бутылочного стекла» (Тимка, 356).

Горький неоднократно повторяет эту деталь:

«Тимка разогнулся, взглянул на него (Хлебникова) овечьими глазами» (Тимка, 337).

«Покачивая щетинистой головою, он (Тимка) ухмыляется. в его овечьих глазах блестит насмешливая нежность» (Тимка, 341).

И весь внешний облик у Тимки напоминает животное: угловатая в шерсти голова, длинный, мягкий, подвижный нос, кроваво-красные, точно рана, губы.

«Кошачьи глаза» (такого цвета, как у кошки) у жены Ираклия Вырубова:

«— — Неделю тому назад жена его (Ираклия Вырубова) — женщина тощая, злая, с длинным носом и зелеными кошачьими глазами — ушла пешком в Киев, на богомолье — —» (Кладбище, 90).

У Антипы Вологонова — «собачьи глаза»:

«Крестясь неверною рукой, он (Вологонов) смерил труп Нилушки внимательным взглядом, оставовил мокрые, красные собачьи глаза на милом лице — —» (Нилушка, 85).

Но у Антипы Вологонова не только глаза — весь внешний облик «собачий». Горький отмечает, что «он понижает голос и как-то по-собачьи сердито ворчит» (Нилушка, 73).

И еще:

Вологонов напоминает старую собаку, которая «двигает зубастыми челюстями», трясется. Даже и живет он в конуре, в которой стоит пыльный сумрак».

Такой же животный облик и у одного из пассажиров с «воловьими глазами». У него «трубный голос», он «рычит», вращает мутными зрачками, а потом, расвирепев, идет «быком», «наклоня голову, беспокойно передвигая зимнюю шапку с уха на ухо».

«Широкий и огромный, раньше казавшийся спокойным, уверенным в себе и все решившим, теперь дышал тяжело, в его воловьих глазах горела тревожная злость, на лице выступили красные пятна, борода ошетибилась» (На пароходе, 116).

«Воловьы глаза» — не только большие, выпуклые, но и злые, свирепые.

Впечатление о женщине, имеющей бессмысленные глаза животного, создается не только благодаря сравнению «с глазами коровы» (большими мутно-зелеными бессмысленными глазами), но и весь ее внешний вид говорит об этом сходстве:

«Особенно страшна была вдова подрядчика-маляра — тяжелая баба лет под сорок, с двойным подбородком, огромной грудью и глазами коровы. Улыбаясь, она высоко поднимала толстую верхнюю губу с усами, оскалив ла тесный ряд острых зубов, а мутнозеленые глаза ее как будто вскипали, покрываясь светящейся влагой» (Гривенник, 200).

Обращая внимание на цвет лица, глаз, Горький каждый раз подчеркивает и другие отличительные особенности внешности человека. Например, сочетанием «лыковое лицо» автор, очевидно, хотел передать не только цвет лица торговки (рассказ «Тимка») — бурое, цвета лыка, — но отметить также и другую его особенность — грубость черт, невыразительность:

«В воротах явилась и стоит избочась торговка полотном, за спиною у нее тяжелый узел, в руке железный аршин. Ее лыковое лицо без бровей напряжено, губы приоткрыты, точно у птицы, которая хочет пить» (Тимка, 346).

У Антипы Вологонова (рассказ «Нилушка») глаза все время меняют цвет:

«— — То они мутносерые, усталые, то голубеют и печальны, чаще всего в них сверкают зеленые искры равнодушного злорадства» (72).

Вот Вологонов разгневан, выражение глаз и цвет их меняются:

«Он (Вологонов) молчит, двигая зубастыми челюстями, борода его трясется, в глазах — синеватый, угарный огонь, кривые пальцы шевелятся, точно черви» (74).

А вот Вологонов беседует с блаженным отроком Нилушкой, стремясь расположить его к себе, и глаза его задумчиво синеют (77).

Умирает Нилушка.

«— — Он (Вологонов) смерил труп — — внимательным взглядом, остановил мокрые, красные собачьи глаза на милом лице» (85).

Горький определяет глаза Вологонова как «неуловимые», «изменчивые»:

«Косоватые изменчивые глаза прищуренны, от густых разноцветных бровей на ресницы падают тени» (67).

«И Вологонов, вдумчиво хмуря густые, с чужого лица брови, прячет руки глубоко в рукава, не отвоя от Нилушки испытывающего взгляда неуловимых глаз» (77).

Изменчивые, неуловимые глаза — это такие глаза, которые не только меняют цвет, выражение, но они к тому же и неправдивые, живые. Эти определения связаны и с психо-

логической характеристикой Вологонова, скупщика ворованных вещей, знаменитого «философа» окуривщины, стремящегося в целях извлечения выгоды сделать святым блаженного отрока Нилушку. Горький пишет: «— — И весь он вызывает впечатление чего-то пестрого, неуловимого» (67).

Еще один пример, подтверждающий, что внешняя портретная характеристика у Горького часто связана с психологией героев, отражает их духовный мир.

В рассказе «Гривенник» предметом увлечения героя была сестра хозяйки — стройная женщина, «с удивительно правильным и нежным лицом и с кроткими глазами богоматери».

Эта женщина вся была какая-то «чистенькая», ее смущали «банные разговоры» толстых, сытых и бесстыльных на словах баб, ее «голубые глаза смотрели на все ласково, внимательно; красивые с длинными ресницами, они всегда тихонько прикрывали глаза» (299).

Метафору «глаза богоматери», очевидно, здесь нужно истолковать так: о больших, выразительных глазах, полных кротости и сосредоточенного внимания к окружающему.

Соотнесены внешний и внутренний образы и у Асеева — героя рассказа «Вечер у Шамова». У него «глаза великомученика».

«— Кто же откроет вам этот путь? (к сердцу народа) — насмешливо перебивает речь Асеев, маленький горбатый инженер с глазами великомученика» (242).

И через несколько страниц раскрывается смысл этого выражения:

«— Лицо у него неправильное — — Но великолепные глаза скрашивают уродство тела, — в этих глазах неисчерпаемо много тоскливого внимания к людям» (там же).

«Глаза великомученика» — такие глаза, в которых таится жертвенная тоска, страдание.

Писатель отмечает и изменения во внешности, связанные с возрастом человека или его состоянием (лицо: поношенное, изжеванное, дряблое; глаза: погасшие, вылинявшие, выцветшие). Среди этих эпитетов большое место занимают метафорические и эмоциональные эпитеты, с помощью которых автор также подчеркивает психологическое состояние человека.

У госпожи Христофоровой, высокой, костлявой старухи из рассказа «Кладбище», «дряблое лицо» (утратившее свежесть, упругость), щеки ее опустылись, как тряпочки (92).

«Поношенное лицо» (лицо старого дряхлого человека, со следами утомления, усталости) у маленькой старушки из рассказа «Покойник» (219). Контекст уточняет это выражение: «Лицо, измятое старостью и печалью» (225).

Лицо старика Антипы Вологонова изрыто какими-то темно-красными шрамами, оно все в морщинах, красно и кажется «изжеванным» (Нилушка, 67, 84).

Изжеванное лицо, — такое, которое покрыто темно-красными шрамами, в морщинах.

От горя, боли или от постоянного скитания в поисках заработка глаза героев, изображенных в рассказах «По Руси», «погасшие» (равнодушные, невыразительные), «вылинявшие» (бесцветные, безжизненные). «выцветшие» (потерявшие цвет, блеск, выразительность):

«-- Часто мигая мокрыми, погасшими глазами бормочет (Кропотов) — —» (Кладбище, 91).

«— Вылинявшие от боли глаза его (Коськи) уныло смотрели на изуродованную ногу — --» (Зрители, 325).

«Они («голодающие») смотрели на все здесь, растерянно мигая выцветшими, грустными глазами, жалко улыбаясь друг другу — —» (Рождение человека, 9).

Горький показывает также так называемые мгновенные изменения во внешности, связанные с переживаниями героев в определенный момент. Он подмечает, как в зависимости от состояния человека, его настроения меняется внешность.

Так, всегда розовое лицо Осипа (Ледоход, 35, 57) в минуту опасности «посинело»; полное розовое лицо Надежды Биркиной «посерело» при сообщении, что ее видели ночью, как она шла к любовнику (Губин, 57).

У Фелицаты от испуга, горя лицо «потемнело, побурело» (Нилушка, 83, 87), у роженицы оно «серое», «землисто, как у мертвой» (Рождение человека, 12, 14), после рождения сына «зарумянилось и точно светится изнутри» (16).

Писатель обращает внимание и на величину лица, его характерные черты, особенности. Так, у окологородного — сучонького человека — лицо «маленькое» (Ледоход, 38); «большое лицо» у нищей Сухининой, оно вспухло от ветра и пьянства (Кладбище, 92); «большое лицо» и у «дамы солидного купеческого сложения» из рассказа «Зритель» (323), а также у Степахи — полногрудной женщины с толстыми плечами (Легкий человек, 359). У пьяного дьячка «с широкой грудью битюга» лицо «толстое» (Покойник, 225), а у беспокойного человека с живыми неугасимыми гла-

зами — наборщика типографии — Сашки «тонкое подвижное лицо» (Легкий человек, 356, 360).

Горький отмечает и другие характерные особенности, связанные с очертаниями лица (с лицом монгола, с монгольским лицом):

«— Странное произведение! — хрипло кричит Шамов, веселый холостяк, сытый, круглый, с лицом монгола и жадным взглядом крошечных глаз, спрятанных в мешочках жирной кожи» (Вечер у Шамова, 242).

«Вот и Зина, стройная брюнетка с монгольским лицом и раскосыми глазами — —» (Легкий человек, 363).

Как всегда, опираясь на общенародные значения, Горький создает новые смысловые оттенки слов. Словари указывают на основное значение слова «мохнатый» — обросший шерстью, волосами; косматый (например, мохнатый медведь); или шершавый, негладый (о ткани) — мохнатое полотенце.

У Горького «мохнатый» сочетается со словом «глаза». «Мохнатые глаза» — с густыми, длинными, красивыми ресницами.

«— Он (Ленька) взглянул на меня какими-то мохнатыми глазами» (Страсти-Мордасти, 370).

Автор разъясняет сам это сочетание, и затем в тексте мы встретимся с ним не раз:

«Теперь я рассмотрел его глаза, — они действительно мохнаты, ресницы их удивительно длинны, да и на висках густо росли волосики, красиво изогнутые» (там же, 372).

В рассказе «Покойник» встретилось выражение «плюшевое лицо». Очевидно, заросшее короткими, мягкими, блестящими волосами лицо Юфима напоминало Горькому ворсистую поверхность плюша — это и явилось исходным моментом при сравнении.

Отсюда такой метафорический эпитет, характеризующий лицо этого «давно нечесанного, небритого мужика с мягкими полуседыми кудрями, которые буйно вились на его голове».

Портретная характеристика используется Горьким для передачи настроения героев, их психологического состояния. Она также способствует раскрытию существенных черт характера человека, помогает глубже разобраться во внутреннем мире героев.

У Павла Силантьева (рассказ «В ущелье», 169), «лицо мужественное», как и его характер, — сильный, неукротимый.

У жены умершего (рассказ «Покойник», 225) «кроткое лицо», а у злой актрисы Орлихи (Тимка, 339) — «суровое лицо».

В рассказе «Птичий грех» нарисована страшная картина убийства отца сыном. О подробностях рассказывает Горькому маленький увертливый старичок с «лицом колдуна» (с таинственным, заговорщицким выражением лица):

«Из-за его широкой спины (чернобородого мужика) вернулся старичок с лицом колдуна и секретно, вполголоса, заговорил пришептывая, быстро шлепая темными губами» (Птичий грех, 295).

Горькому вспоминается разбитной красивый молодец, которого он когда-то видел на пристани, — с хитрыми глазами и с «лицом озорника» (с плутоватым выражением лица) (В ущелье, 168).

Излюбленным приемом создания портретных зарисовок, тесно связанным с психологической характеристикой героев, является использование одной, наиболее яркой детали внешности (чаще всего глаз) для раскрытия внутреннего мира героя. В этом случае Горький широко использует эмоционально-насыщенные метафорические эпитеты и сравнения.

Так, изображая старика-сектанта в рассказе «В ущелье», Горький дает вначале лишь беглую характеристику его внешности, затем внимание сосредотачивается только на глазах.

Сначала идет определение цвета глаз «белого старика»: «глаза мутнозелены» (153). Потом настойчиво повторяется характеристика глаз, служащая определенной цели, — подчеркнуть ущербность этого образа, его безразличие к окружающим: «неподвижный взгляд немых глаз» (154) «застывшие глаза» (170), «мертвые» (175), «неподвижные глаза» (181).

Такая же душа и у старика — «застывшая», «плоская». Его не трогает убийство человека, он равнодушно смотрит на окружающее.

Еще пример. В том же рассказе Горький показывает нам солдата, «налитого каким-то «ленивым отрицанием», «мутным недовольством». Рисуя солдата вот таким «сытым», «ленивым», «равнодушным», Горький нагнетает лексику, отражающую пассивность этого человека.

И снова автор обращает внимание прежде всего на его глаза. Они «мутно-сонные» (тусклые, невыразительные):

«Солдат устроил в щели, между камней, пышное ложе из мелких веток, лежит на животе и непрерывно курит крепкий

горский табак из хорошей фарфоровой трубки, мутносонными глазами поглядывая на игру реки» (154).

«Полинявшие глаза» — бесцветные, невыразительные:

«Это человек средних лет — — обесцвеченный солнцем. Его полинявшие глаза смотрят с плоского лица невесело, смущенно. Нельзя понять — что он любит, чего ищет?» (156).

И сам он тоже «выцветший», равнодушный. В другом месте Горький говорит о «стеклянных глазах» солдата (безжизненно неподвижных):

«Калужанин, он служил в Ташкенте — — рассказывает он об этом, виновато усмехаясь, опустив стеклянные глаза» (156).

И углубляя эту психологическую характеристику, Горький дает выражение «пустые глаза» (ничего не выражающие, бессмысленные):

«И сейчас, раскуривая трубку, он (солдат), скосив пустой глаз в сторону плотников, сердито ворчал — —» (170).

У солдата «плоское лицо» (приплюснутое, без резко очерченных линий, невыразительное), он «обесцвечен солнцем» и речь его тоже «нудная, бесцветная» (мрачно выговорил; ворчливо заговорил; сердито ворчал; мямлил; угрюмо отозвался; забормотал; долго, точно жалуясь на что-то, ворчал под нос себе; голос солдата напоминает отдаленный звук бубна; говорит он «обиженным голосом», «неуклюжими словами»).

А вот другая характеристика, в которой большое участие принимает та же портретная деталь — глаза героя.

Живой, с неуемной, кипучей энергией Сашка из рассказа «Легкий человек» похож на юркую ящерицу. И глаза Сашки зеленые, — такие, как у ящерицы:

«Прищурив зеленые глаза, он (Сашка) повторяет вполголоса — —» (355).

« — Его (Сашки) зеленоватые глаза широко, удивленно раскрыты — —» (358).

«Это — Сашка, наборщик, забавный мой товарищ, парень лет девятнадцати, рыжий, вихрастый, с зелеными глазами ящерицы и лицом, испачканным свинцовой пылью» (353).

От номинативной характеристики Горький переходит к психологической. Он отмечает «неугасимые глаза» Сашки (живые, выражающие жизненную энергию, подвижность):

«И, улыбаясь во всю рожу, весело поблескивая неугасимыми глазами, Сашка объясняет:

«Покойника встретить — удачу сулит» (356).

В другом месте Горький отмечает «живые глаза» Сашки: «— — Живые глаза его (Сашки) беспокойно бегают по комнате, щупая ее убожество, в них горят едкие критические огоньки» (361).

И, наконец, характеристика углубляется опять через описание глаз героя. Глаза у Сашки «жадные» — полные напряженного интереса, любопытные, внимательные.

«— — Сашка, — — не умолкая, говорит обо всем, что схватывают его жадные глаза в окнах магазинов, — о галстуках, револьверах, детских игрушках и дамских платьях, о машинах, конфектах и церковной утвари» (365).

В нем все: и «тонкое, подвижное лицо», и глаза («неугасимые», «живые», «жадные»), и движения (валится на постель, стаскивает с постели, ожесточенно моется, раздирает гребнем волосы, вертится, точно обожженный, срывает с головы картуз, пинком ноги открывает калитку, вскакивает со стула, тащит на пухляк и т. д.) — все говорит о его кипучей энергии, жизнерадостности, влюбленности в жизнь.

Говорит он «пламенно», мысли его мечутся, как испуганные птицы, и весь он «набит вопросами, как погремушка горохом».

«Тонкий, острый, точно гвоздь с золотой шляпкой» (366) — заканчивает портрет Сашки Горький.

Одним из приемов создания портретных зарисовок является прием постепенной обрисовки внешности героев. Выразительные детали, необходимые для портретной характеристики, настойчиво повторяются в тексте, они приводят к неожиданному, но очень точному сравнению, подготавливают его.

Так, описывая парня (рассказ «На пароходе»), Горький отмечает его «шершавые руки» (114), «шершавое лицо» (117), «кочья рыжеватой шерсти на щеках и подбородке» (107). Эти детали, слова-лейтмотивы, которые снабжают этот образ, сопровождают его на протяжении всего рассказа.

«— — Нахмурясь, подопрев скулы руками в рыжей шерсти, уставил (Башкин) глаза на баржу» (119).

«Мне хорошо видно его (Башкина) лицо — острый нос, кочья рыжеватой шерсти на щеках и подбородке, маленькие неясные глаза» (На пароходе, 107).

«Рыжеватая шерсть» на лице парня зашевелилась, как под ветром — —» (112).

Рождается сравнение лица парня с мохнатой варежкой:

«Большой мужик открыл глаза, посмотрел на него (Башкина), на меня и загудел:

— А ты не ори, варежка!

Я ушел на свое место и лег спать, думая, что мужик верно сказал, — лицо парня очень похоже на шерстяную, истертую варежку» (112).

Горький неоднократно подчеркивает эту деталь:

«— Я встретил воспаленный взгляд узких маленьких глаз, мохнатое лицо — варежка было еще более худо и серо, чем вчера» (114).

В этом сравнении чувствуется антипатия автора. Образ истертой варежки вызывает неприятные ассоциации: несвежая, вытертая от долголетней носки. Недаром Горький заключает: Было в нем (парне) что-то беспомощное, лягушечье, — он вызывал чувство брезгливости. Говорить с ним не хотелось — — (114).

Переплетая реалистический план с романтическим, Горький включает в рассказы «По Руси» сказочные элементы. В сказочных тонах дан образ «ангелоподобного Нилушки».

Горький выбирает нужные детали для зарисовки этого образа, которые сопутствуют герою на протяжении всего рассказа.

У Нилушки «прекрасная, в золотых кудрях голова», «ясные», «васильковые и ангельские глаза», светящиеся неземной улыбкой. Он «в розовой — ниже колен рубахе, тонкие икры ног стройны, белы, как у женщины, и покрыты золотым пухом». «Он похож на ангела древнего письма с южных или северных врат старенькой церкви, его смуглое лицо закопчено дымом воска и масла». Мы часто видим его «золотистую головку» на краю оврага, на грязной слободской улице. За спиной у Нилушки как будто крылья:

«Прыгая на одной ноге и улыбаясь, он взмахивает руками, — широкие полы рубахи взлетают на воздух, — Нилушка точно теплым воздухом окутан» (Нилушка, 75).

И весь он «какой-то голубой», сказочный (81).

Подбор художественно-изобразительных средств, особенно эпитетов, свидетельствует об отношении автора к героям.

Автор явно симпатизирует старосте плотников Осипу из рассказа «Ледоход». Он отмечает его «голубые, ясные, как васильки, глаза» (19), которые смотрят «голубыми лучами» в глаза собеседнику (24), он видит его «благообразную серебряную голову» (20), бородку, аккуратно завитую в мелкие кольца (19).

Горький признается, что «— — кудрявый, среброголовый Осип с ясными глазами и сумеречной душой стал ему приятно интересен — —» (23).

Симпатичен автору и поручик Хорват (рассказ «Кладбище») с приятным, тонко выточенным лицом (94) и ясными глазами (93), молодой, аккуратный, изящный.

Горькому нравится калека-мальчик из рассказа «Страсти-Мордасти», его «милые», «дивные», «чудесные», «мохнатые» глаза, его красивая головка на тонкой шее (375, 378).

В людях изломанных Горький подчеркивает несвежее и помятое, жалкое и смешное.

У неудачника Губина (героя одноименного рассказа) «издерганного, изношенного», «просмотревшего жизнь», напоминающего бездомную собаку, — «запахшие глаза», «изломанные зубы», «кистертый, облезлый череп», «измятые щеки», «надломленный, надорванный голос».

Губин напоминает бездомную собаку. У него тесный предбанник, как собачья конура. Вот он вылезает из сторожки, обнюхивает воздух, как собака, смешно двигая острым носом (54).

Лексика, используемая Горьким для характеристики представителей окурковского мира, подчеркивает отталкивающее в них, она характеризует тупость, сытость, жадность, нравственное разложение этих людей.

Так, многочисленные сравнения с животными подчеркивают полное отсутствие духовного начала в человеке (ср. уподобления Баринава то буйволу, то медведю, то верблюду — рассказ «Весельчак»):

«Он (Баринов) мужчина ленивый, как буйвол, неустанно рассуждающий и чрезвычайно волосат; его плоское, курносое лицо — в шерстяной маске песочного цвета, из широким, точно у верблюда, ноздрей торчат рыжие шерстинки, из ушей — тоже, голая, медная от загара грудь заросла, как у медведя, даже на суставах пальцев растут густые кустики волос. Ноги у него кривые, портновские, руки — длинные и толсты, как ноги; ему, должно быть, очень удобно ходить на четвереньках» (400—401).

Эпитеты «толстомордый», «толсторожий» характеризуют внешность пензенского парня из рассказа «Женщина», грубо домогающегося расположения Татьяны — целомудренно-чистой женщины с ее несбыточно-сладкой мечтой материнства (стр. 127, 134, 148).

В старом сером доме огородника Хлебникова живут его квартиранты — люди ненужные, выплунутые жизнью, вечно

заспанные, с «напряженными, измятыми рожами» (Тимка, 337, 395).

У Вырубова (рассказ «Кладбище»), чиновника казенной палаты, бесцветные (91), лживые (96), похотливые глаза (96), «пустое тело».

«Огромный, сугулый и бритый, как повар, Вырубов всегда озабоченно поддеригивал штаны, сползающие с его живота. набитого, должно быть, арбузами» (91).

«Его толстые губы жадно приоткрыты, в бесцветных глазах замерзло выражение неутомимого голода» (там же) — таков отталкивающий облик этого пошлого мещанина.

Вот мещанка Надежда Биркина с «пустым лицом» (Губин 50, 60) «В нем не было ни одной черты, которая могла бы остаться в памяти. Природа точно забыла отметить на нем свои желанья», — пишет Горький.

Здесь, конечно, на первом плане психологическая характеристика персонажа («пустое лицо» — без всякой мысли, не выражающее никаких чувств).

А вот как характеризует автор глаза свекрови Надежды:

«На ее лице, иконописном и точно закопченном дымом, двумя пятнами блестели никогда не виданные мною синие глаза без зрачков» (59).

«— — Синие зрачки глаз (Надежды) были странно расширены, они почти прикрывали белки, оставляя вокруг себя только тонкий синеватый ободок» (63).

«Эти странные, жуткие глаза были неподвижны, казались слепыми и выкатившимися из орбит, точно женщина подавилась чем-то и задыхается» (63).

«Ее волосы, седые на висках, были прикрыты шелковой головкой, шелк отливал на солнце, и голова казалась железной» (59).

Далее автор еще раз возвращается к этому сравнению, расширяя его на черты характера героини:

«Шелк головки металлически блестел, и снова я незвольно подумал: «железная голова — —

— Прощай, дружок, прощай... И склонила голову, подобную молотку, осветленному многими ударами о твердое» (63).

Таким образом, отдельные детали портрета имеют большое значение в разоблачении социальной сущности представителей эксплуататорского класса. (Ср. у Башкина, купца — убийцы отца, рассказ «На пароходе» подчеркивается его

неприятное лицо-варежка, виляющая, тревожная походка; у Наталии Васильевны (рассказ «Губин») — железная голова и глаза — странные, жуткие, выкатившиеся из орбит).

Краски, которые выбирает писатель для характеристики простых русских людей, отражают их многоцветную душу. «пеструю», противоречивую, но чистую в своих помыслах и устремлениях.

Автор сумел разглядеть сказочно-прекрасное, проглядывающее сквозь пласт бытовой «жирной грязи», сумел найти привлекательные черты в людях пестрой души и пестрой судьбы.

Внешний вид паклюжницы из рассказа «Страсти-Мордасти» неприятен: пьяная проститутка с провалившимся носом, живущая в грязном, вонючем подвале. Но как трогательны отношения матери с сыном, как преображаются ее чудесные васильковые глаза, когда она обращается к Леньке.

«В грязной нищенской и больной жизни слободы» с ее нужностью, бессмысленностью и безобразием мы видим ангелоподобного Нилушку, стройного, красивого, как бы сошедшего со страниц русской сказки. Он-то и скрашивает пошлую жизнь мешаю окурковского мира.

В рассказе «Едут»... Горький создает грушевой портрет народа. Рыбаки, возвращающиеся из Персии в Россию, — веселый, «литой», крепкий народ. У них молодые, загорелые, красивые лица, оживленные глаза — это живое воплощение будущего страны, в которое верил великий пролетарский писатель М. Горький.

ВЫВОДЫ

1. В цикле рассказов «По Руси» Горький дает яркие портреты русских людей, которых он встречал во время странствий.

2. При изображении внешности персонажей Горький чаще всего обращается к своим излюбленным средствам — анималистическим сравнениям и эмоционально-насыщенным метафорическим эпитетам, с помощью которых он подчеркивает психологическое состояние человека, его настроение, смену мыслей и эволюцию чувств, а также выражает свое отношение к героям.

3. Чаще всего, давая портретную и психологическую характеристику, автор использует характерные детали, помогающие ему наиболее лаконично и выразительно раскрыть самые важные, ведущие стороны характера героев.

4. Выразительная деталь портрета и несколько характеризующих реплик раскрывают даже в эпизодической фигуре типические черты определенного социального плана.

5. Лексика, используемая Горьким для характеристики представителей окурковского мира, подчеркивает отталкивающие черты изображаемых героев: она характеризует тупость, сытость, жадность, нравственное разложение их.

Краски, которые выбирает писатель для характеристики простых русских людей, отражают их многоцветную душу, «пеструю», подчас противоречивую, но чистую в своих помыслах и устремлениях.

6. С большим мастерством Горький рисует образы своих героев. Автор умеет подметить в каждом персонаже наиболее типичное, характерное для него.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
 ДВОЙНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ БЕССОЮЗНЫХ СОЧЕТАНИЙ
 В РАССКАЗАХ «ПО РУСИ» А. М. ГОРЬКОГО И ИХ ТОЛКОВАНИЕ

Настоящая работа является попыткой проследить семантические особенности двойных глагольных бессоюзных сочетаний в рассказах «По Руси» А. М. Горького и обосновать принцип их слитного или раздельного толкования.

Общепризнано, что глагол со всем многообразием его значений и смысловых оттенков, с его богато развитой системой форм и синтаксических связей является испытанным средством словесно-художественной изобразительности.

Обычно наряду с прямыми значениями в глаголе выделяются еще и многие переносно-фигуральные значения.

Выразительность глагольных средств зависит и от их стилистического профиля, т. е. принадлежности некоторых форм различным стилям речи. Глагол придает речи жизнь, движение.

Именно в глагольных формах М. Горький видел образность русского языка, так как они насыщены большой семантической емкостью и экспрессивностью.

В своих произведениях, в частности в рассказах «По Руси», М. Горький широко использует глагольные формы, в том числе и двойные бессоюзные глагольные сочетания. Так, в цикле рассказов «По Руси» нам встретилось более 150 таких сочетаний.

Явление удвоения глаголов в русском языке вообще очень распространено, особенно в народно-разговорной речи. Из разговорной речи оно проникает как определенное стилистическое средство и в авторское повествование, строящееся, как правило, по нормам письменной речи.

Наблюдения над двойными глагольными бессоюзными сочетаниями показывают, что степень «спаянности» обоих компонентов в них различна. В зависимости от этого мы разделили их на три группы.

К первой группе относятся такие глагольные сочетания, которые представляют одно смысловое целое, где каждый из глагольных компонентов не толкуется отдельно (маяться — страдать, орать — кричать, заскрипеть — заскрежетать и т. п.); вторую группу составляют сочетания, также толкуемые совместно, но основополагающим в них является второй,

уточняющий глагольный компонент (пропасть — потонуть, поразоваться — посмеяться, неистовствовать — кричать и т. п.). Глагольные сочетания третьей группы — это сочетания, членимые на два разных действия, где толкованию подлежат оба глагольных компонента отдельно (сорваться — упасть, опухнуть — не гнуться, угаснуть — провалиться и т. п.).

Каждая из трех групп обладает определенными семантическими особенностями, отличающими одну группу от другой. Это, в свою очередь, служит определяющим моментом в слитном или раздельном толковании их компонентов.

В первую группу мы включили две разновидности сочетаний: а) синонимичные, б) ассоциативные.

Синонимичные глагольные сочетания представляют две одинаковых формы полнозначных глаголов, объединенных интонационно и обозначающие одно сложное действие, составленное как бы из двух одновременных действий. Такие сочетания обычно обозначают действия сходные или близкие и несут на себе пояснительную функцию. Так как действие в них имеет два наименования, то пояснение осуществляется при помощи соответствующего синонимичного глагола.

Синонимичности отношений внутри глагольной пары может способствовать также использование обоих глагольных компонентов или одного из них в переносном значении.

В нашем распоряжении оказалось 26 синонимичных глагольных сочетаний, половина из которых включает глагольные компоненты, употребленные в своем прямом, номинативном значении. Другая половина содержит либо оба компонента, имеющих переносное значение, либо один из них.

Рассмотрим сочетания, где оба глагольных компонента сохраняют свое обычное, прямое значение.

Выцвести — **слинять** значит потерять свою первоначальную яркость, окраску от солнца, ветра, дождя, от времени и т. д.

Вокруг — очень грустно; поле, засоренное разным хламом — — Кол-где сиротливо торчат ветлы и березы. Ни одного яркого пятна, все **выцвело, слиняло** — (Тимка, 340).

Ругать — **поносить** — обзывать грубыми словами, оскорблять, бранить кого-нибудь.

За глаза — **поносит** его, **ругает**, а сам в гости зовет (Тимка, 347).

Сердиться — **горячиться** — злиться, раздражаться, выходить из себя.

(Он) никогда не сердится, не горячится. — Это мне нельзя, — говорит он (Вологонов), — у меня сердце распухло и может лопнуть (Нилушка, 67).

Осыпаться — падать — устремляться вниз, опадать.

Осыпались, падали на землю желтые листья, похожие на птиц — — (Губин, 54).

Маяться — страдать — мучиться, томиться, изнывать от чего-нибудь.

Нам делать нечего, и мои товарищи **маятся-страдают** в скуке от безделья — — (В ущелье, 154).

Затянуть — завести что-н. — запеть.

Тут ее все царане почитали. Да и теперь... Хоша есть сукины сыны, — как давешний, -- придут на тот бок реки и **затянут, заведут** ее любимые (песни) (На Чангуле, 395).

Зареветь — закричать — громко, навзрыд заплакать, завопить.

Он (безногий мальчик) обаятельно улыбался такой чарующей улыбкой, что хотелось **зареветь, закричать** на весь город от невыносимой, жгучей жалости к нему (Страсти-Мордасти, 373).

Бояться — дрожать — испытывать страх, боязнь; трепетать.

Нилушка **боится, дрожит**, пытается сказать что-то непослушным языком (Нилушка, 77).

Приведем также сочетания, где оба глагольных компонента употреблены в переносном смысле. При чем следует учесть, что только благодаря использованию переносного значения глаголов они оказываются между собою в синонимичных отношениях.

Замшиться — запаршиветь значит обрасти щетиной, не смотреть за собой, потерять человеческий облик. (Прямое значение **замшиться** — обрасти мохом; **запаршиветь** — покрыться болячками, паршой).

— Был он парень — удача, опрятный, гладкий, а после того — **замшился, запаршивел**, в сучки пошел... (На пароходе, 107).

Заторкать — загрызть — затравить, замучить, довести до тяжелого душевного состояния. (Прямое значение **заторкать** — затолкать кого куда; **загрызть** — растерзать зубами).

— — Не стало нам силы жить там, в дедовщине, на Донце, — **заторкали, загрызли** люди моего аж до слез и немоты — — (Покойник, 217).

Петь — стонать — страдать, скорбеть, изнывать от горя. (Прямое значение **петь** — издавать голосом музыкальные

звуки; **стонать** — издавать протяжные жалобные звуки человека).

Хорошая книга, точно смычок великого артиста, касается моего сердца, и оно **поет, стонет**, от гнева и скорби, радуется, — если этого хочет писатель (Герой, 310).

Расползаться — **рваться** — стареть, становиться немощным, больным. (Прямое значение **расползаться** — расходиться в разные стороны (о ползающих); **рваться** — приходиться в негодность, изнашиваться).

Все они (бабы) истрепаны и грязны, у них дряблые щеки — — А если женщина полна, значит — больная, глаза ее тусклы и походка тяжела. — — Они — точно иголки и нитки: чья-то хлопотливая упрямая рука хочет заштопать силой их гнилую ткань, а она все **расползается, рвется** (Нилушка, 67).

В нижеследующих примерах один из глагольных компонентов имеет переносное значение, другой прямое, что также способствует их синонимичности. Сравни:

Опустеть — **оголиться** — стать безлюдным, пустынным. (Прямое значение **оголиться** — обнажиться, снять одежду).

Первыми разбежались мальчишки, потом, один за другим, разошлись взрослые зрители, улица **опустела, оголилась** (Зрители, 326).

Обрасти — **обступить** — зарости вокруг, окружить что-н. растительностью. (Прямое значение **обступить** — окружить, встать вокруг кого-чего (о живом существе)).

Огромный камень в темно-зеленой шапке моха — — ушел в землю — — Со всех сторон тесно **обросли, обступили** его дубы — —. (Калинин, 201).

Прятаться — **улетать** — исчезать, становиться невидимым. (Прямое значение **улетать** — летя, удалиться).

— — На черном квадрате неба грозно мигают зарницы, и когда в тесную, как гроб, хатку хлынет через окно синий свет — огонь оплывшей свечи словно **прячется, улетает** — — (Покойник, 218).

Осмеять — **заторкать** кого-нибудь — зло насмеяться, затравить, довести до тяжелого душевного состояния. (Прямое значение **заторкать** — затолкать кого куда).

— Конечно, меня **осмеяли, заторкали**... Ну, я не поддаюсь им... знаю я тут все житейские дела, вижу — все не так, и не молчу об этом (Губин, 46).

В приведенных выше синонимичных сочетаниях глагольные компоненты рyzнятся стилистически, дистрибутивно и степенью качества. Так, в парах **ругать** — **поносить, сердиться** —

горячиться вторые компоненты (поносить, горячиться) носят книжный характер; в **выцвести** — **слинять**, **зареветь** — **закричать**, **маяться** — **страдать** компоненты слинять, зареветь, маяться являются просторечными; в **замшиться** — **запаршиветь**, **заторкать** — **загрызть**, **осмеять** — **заторкать** — вторые компоненты (замшиться, заторкать) — областные; **опустеть** — **оголиться**, **осыпаться** — **падать**, **расти** — **пухнуть** отличаются дистрибутивно; **петь** — **стонать**, **стонать** — **рыдать**, **орать** — **кричать**, **плакать** — **выть**, **бояться** — **дрожать** — нарастанием степени качества и т. д.

Ассоциативные глагольные сочетания также обозначают одно общее действие и объединяются интонационно. Это сочетания одинаковых форм различных полнозначных глаголов, обозначающих хотя и разные действия, но сходные, обычно сопровождающие друг друга, совмещающие друг друга и сливающиеся в одно общее действие. Таких сочетаний мы обнаружили 16. Из них большая половина (11 пар) употреблена в переносном значении. Так, **поить** — **кормить** переносно значит содержать кого-то на свои средства, заботиться о ком-н., угощать кого-то.

— Отец мой был человек самоумный, характерный. — — Лет с двадцать он добивался выбора в головы градские, и **поил-кормил** людей, и уговаривал — — так и скончался, не достигнув назначенного себе (Губин, 45).

Пить — **есть** (без дополнения) переносно — кормиться, питаться.

— — Все нас, земляк, ругают, а все лезут к нам, — греки эти, немцы, серба всякая. Живут, **пьют-едят**, а ругают! Ну — не досада? (В ущелье, 158).

Глохнуть — **слепнуть** переносно — ничего не видеть и не слышать, не замечать происходящего вокруг.

— Я тоже, когда первый год в городе жила, неутешно тосковала. — Бывало — **глохнешь**, **слепнешь** в злой тоске по своей-то стороне, а у меня и нет никого там — (Как сложили песню, 291).

Поглядеть — **послушать** переносно — убедиться в чем-нибудь, узнать что-н.

— Есть люди, которые вроде как бы хвастаются своею горькой судьбой: **поглядите**, **послушайте**, добрые люди, как горька моя жизнь (Калинин, 185).

Не видеть — **не понимать** чего-н. переносно значит не чувствовать, не сознавать, не воспринимать чего-н.

Прекрасно чувствуя все, о чем поет, Тимка **не видит**, **не понимает** горя людей (Тимка, 343).

В нижеследующих сочетаниях ассоциативного характера оба глагольных компонента использованы в прямом значении. Сравните:

Наесться — **напиться** значит насытиться, утолить голод и жажду.

Ленька, забыв про меня, жевал пряник — — (376). Мальчик выпил кружку чая, вспотел, взглянул на меня, на мать и сказал: — **Наелся-напился**, — даже спать захотелось, ей-богу... (Страсти-Мордасти, 382).

Народить — **выкормить** — родить, вскормить, вырастить, воспитать (детей).

— А я женщина хорошая, я все умею делать, всякую работу, и заживем мы с тобой хорошо, тихо, на своем месте... Я те деток **нарожу-выкормлю** — — (Женщина, 140).

Просить — **молиться** — обращаться к богу с просьбой о чем-нибудь.

— — Стелется по двору хриплый голос горбатой старухи: — **Просишь-молишься**: убави, боже, а оно на тебе, вдвое... (Покойник, 216).

Таким образом, как видим, в определенной ситуации некоторые глагольные сочетания приобретают единичное, авторское толкование, отталкиваясь от общенародного их употребления. Контекст обуславливает сдвиги в семантике слова и способствует правильному пониманию передачи авторской мысли.

Ко второй группе двойных глагольных сочетаний мы относим уточнительные сочетания со значением действия, качественно характеризуемого через другое действие, где возникают пояснительные отношения. В таких сочетаниях второй глагольный компонент уточняет, раскрывает содержание первого, являясь таким образом уточняющим словом. По своей синтаксической функции уточняющие слова близки к приложению. Поэтому, вопреки широко распространенному мнению, можно утверждать, что одиночные приложения также могут быть выражены и глагольными формами.

Уточняющие слова, обозначая более узкое, конкретное действие, тем самым ограничивают объем первого глагольного компонента с более широким, общим значением. Поэтому, с нашей точки зрения, уточняющий глагольный компонент здесь является основным семантическим центром, на который и следует обратить внимание при толковании всего словосочетания.

В рассказах «По Руси» автор употребил 17 уточнительных глагольных сочетаний. Как и в первой группе, половина таких

сочетаний включает глагольные компоненты с прямым значением, остальные содержат либо один из компонентов, либо оба с переносным значением. При чем в двух случаях оба компонента являются глагольно-именными фразеологизмами (покончить с собой — всадить пулю; залиться — захлебнуться смехом) и в одном случае — один из компонентов фразеологизм (пропасть — утопиться в слезах).

Приведем уточнительные сочетания с прямым значением обоих глагольных компонентов:

Пропасть — спиться значит погубить себя пьянством.

— Яшка окончательно **пропал, спился** — — (Нилушка, 72).

Неистовствовать — кричать — выходить из себя, раздражаться, повышать голос на кого-нибудь.

— — Огородник **неистовствует, кричит** Кешину: — Семен Петров, ты человек благочестивый, — как же ты греха не боишься? (Тимка, 346).

Побаловать — обогреть кого-что — доставить небольшое удовольствие, выпить водки, чтобы согреться.

— — Мокро, холодно, работенка тяжелая — на добно люлям **побаловать** душеньку, винцом-то ее **обогреть**? (Тедоход, 22).

Не извиняться, — не приподымать что-н. — не просить прощения, слегка приподняв головной убор.

Серьезные русские и иные люди толкались беззаботно и, даже наскაკивая на нос друг другу, — **не извинялись, не приподымали** картузов и шляп вежливым жестом (Клоун, 318).

Покончить с собой — всадить пулю — умереть насильственной смертью, застрелиться.

Года полтора тому назад я — — пытался **покончить с собой — всадил** — себе в грудь **пулю** из отвратительного неуклюжего туйского револьвера (Вечер у Шамова, 240).

В сочетаниях: **стеснить — искоренить, перегореть — оборваться, залиться — захлебнуться смехом, подкупать — трогать** оба компонента имеют переносное значение. Так, **стеснить — искоренить** значит потеснить, выжить куда-н., уничтожить, избавиться от чего-н.

— — Город всячески старается **стеснить, искоренить** слободу — — (Нилушка, 66).

Перегореть — оборваться — внезапно ослабнуть, прекратиться, исчезнуть, перестать ощущаться.

Мне уж не хочется слушать его; нити, привлекавшие меня к нему, как-то сразу **перегорели, оборвались** (Калинин, 204).

Подкупать — трогать — располагать в свою пользу, вызывать у кого-н. сочувствие.

Его игра явно **подкупает** конфетчицу, **трогает** ее — — Она ласково спрашивает: — В воскресенье ты свободен? (Легкий человек, 364).

Он вдруг бессильно упал вниз лицом и **залился, захлебнулся** тихим, злорадным **смехом** (Губин, 52).

В сочетаниях **пропасть — потонуть** — исчезнуть, стать незаметным, неслышным среди чего-нибудь — только второй компонент употреблен в переносном смысле.

— Как же ты, старый черт, — закричал околodочный, но его крик **пропал, потонул** в быстром потоке умильных ласковых слов Осипа (Ледоход, 39).

Позвонить — отдохнуть — поболтать, поговорить, сделав перерыв в работе. (Первый из компонентов имеет переносное значение).

Работа встала, потому что Яков Боев, — — тоже хочет рассказать что-то рыбе и уже начал. — — Все бросили работу и шумят — — Тогда Осип — — строго кричит: — Будя, эй! **Позвонили, отдохнули**, и — ладно! (Ледоход, 20).

Ожить — горбиться — стать подвижным, выгибаться горбом, прийти в движение (Первый компонент имеет переносное значение).

Серая корка льда **ожилa, горбилась**, на ровной поверхности вспухали острые углы — — (Ледоход, 31).

Пропасть — утопиться в слезах — очень горевать, переживать, чувствовать себя несчастным (Второй компонент имеет переносное значение).

— — Он (Сашка) спрашивает Зину: — Ты мне веришь? — Верю всякому зверю, лисе и ежу, а тебе погожу! — медленно отвечает конфетчица. — Ну, тогда я **пропал** через тебя! — — Ну, **пропал** я, **утопился** в своих **слезах**, ладно, туда мне и дорога, если я не умею счастья поймать (Легкий человек, 364).

Третью группу двойных глагольных сочетаний составляют: а) такие сочетания, которые выражают действия различные, не сходные, но совпадающие по времени, т. е., выражающие значение одновременности его совершения. Это членимые семантически сочетания, в которых надо толковать каждый из компонентов отдельно. В количественном отношении данная группа превалирует над первыми двумя. Таких сочетаний нами обнаружено более 50. Большинство их употреблено в прямом значении, и только незначительная часть содержит один из компонентов в переносном смысле.

Приведем некоторые из них: кружатся, мелькают (листья), визжит, лает (собака), стучит, кричит (парень), замутилась, зашипела (вода), помолодел, окреп (Осип), забились, завопила (девушка), нахмурился, замычал (солдат), вздрагивает, гудит (земля), заорали, заметались (люди), завозились, зашептались (люди), потускнели, углубились (глаза), угасли, провалились (глаза), визжат, хрюкают (как свиньи) и т. п.

Глагольные сочетания с прямым значением глагольных компонентов:

Кружиться, мелькать. Кружиться — описывать круговые движения, вертеться; **мелькать** — быстро появляться и исчезать.

Осень. В белой пене Колора **кружились, мелькали** желтые листья лавровишни — — (Рождение человека, 7).

Стучать, кричать. Стучать — колотить во что-н.; **кричать** — вопить, сообщать о чем-н. громким голосом.

— А я — бежать, прибег в кабак-то, **стучу-кричу**: сестрица родная, убили совсем батюшку-то — — (На пароходе, 110).

Замутиться, зашипеть. Замутиться — сделаться мутной, непрозрачной; **зашипеть** — начать издавать глухие звуки вроде ш.

— — (Я) бросился в свою комнату, налил стакан воды, всыпал порошок, — **замутилась** вода, **зашипела**, пеною покрывшись (Калинин, 201).

Завозиться, зашептаться. Завозиться — беспокойно и шумно двигаться, зашуметь; **зашептаться** — начать говорить тихо, почти беззвучно, шепотом.

В кустах беспокойно **завозились, зашептались** — — (Ерлаш, 337).

Вздрагивать, гудеть. Вздрагивать — сотрясаться; **гудеть** — издавать слабый, низкий звук.

Меня разбудили удары о землю близко моей головы, мягко отталкивая меня, земля **вздрагивала, гудела** — — (Кладбище, 88).

Нахмуриться, замычать. Нахмуриться — сурово, задумчиво наморщить лицо, брови; **замычать** — начать издавать нечленораздельные протяжные звуки, похожие на мычание.

Солдат **нахмурился, замычал**; мне стало тревожно и жалко Василия — — (В ущелье, 171).

И другие.

Глагольные сочетания с переносным значением одного из глагольных компонентов:

Визжать, хрюкать. Визжать — издавать длительные пронзительные звуки; хрюкать — переносно — издавать отрывистые характерные звуки, как у свиньи.

Они (хозяин и работница) переходят тихонько в кухню и там визжат, хрюкают, как свиньи (Кладбище, 91).

Заорать, заметаться. Заорать — начать громко кричать; заметаться — переносно — засуетиться, забегать.

— — Человек этот бросился в воду — — и тотчас же все на палубе заорали, заметались, толкая друг друга, жадно пробираясь к бортам — — (На пароходе, 115).

Угаснуть, провалиться. Угаснуть — переносно — померкнуть, потускнеть; провалиться — уйти в глазные орбиты.

Глаза угасли, провалились, она (женщина) долго молчит, едва дыша - - — (Рождение человека, 13).

И другие.

На значение одновременности действия в такого типа сочетаниях могут насаиваться дополнительные смысловые отношения: причинно-следственные, причинно-целевые, противительные. Особенно часто значение одновременности действия сопровождается причинно-следственными отношениями. Приведем примеры таких сочетаний с прямым значением обоих компонентов:

Мучиться, ссориться: мучиться — страдать, ревновать; ссориться — ругаться, браниться, попрекать друг друга.

— — Я знаю, что они ловят его (Тимку) наперебой и мучаются, ссорятся от ревности (Тимка, 342).

Загулять, забыть. Загулять — запьянствовать; забыть — перестать думать о ком-н., не помнить, пренебречь кем-нибудь.

— Родные его али жена будут теперь встей, писем ждуть от него. Не пилят. Тут они подумают: загулял, дескать, забыл своих (В ущелье, 182).

Сорваться, упасть. Сорваться — не удержавшись, упасть откуда-н., упасть - - теряя опору, падать вниз.

— — Я сорвался, упал на землю торчмя головой и тотчас проснулся от боли — — (На пароходе, 112).

Опухнуть, не гнуться. Опухнуть — вздуться, увеличиться в объеме, стать болезненным; не гнуться — быть неподвижным.

- - - Пальцы на руках кривые, опухли, не гнутся — — (Нилушка, 67).

Лопнуть, выгорбиться. Лопнуть — потрескаться; выгорбиться — выгнуться, вздуться, стать горбом.

Кое-где лед лопнул, выгорбился, истерт движением в мелкие куски — — (Ледоход, 31).

Тлеть, уцелеть. Тлеть — гореть, поддерживать собою огонь; уцелеть — сохраниться, не сгореть до конца.

Большой огонь — скоро и горит, а вот эти угольки золой, неплом прикроются — до восхода солнца могут тлеть, уцелеть... (В ущелье, 177).

Аналогичные сочетания с переносным значением одного или обоих компонентов:

Осесть, обмякнуть. Осесть — переносно — спикнуть, сделаться ниже; обмякнуть переносно — стать вялым, расслабленным, безвольным.

Губин осел, обмяк, лениво переругивался с кухаркой и не смотрел на меня (Губин, 63).

Вспухнуть, расшириться. Вспухнуть — переносно — увеличиться в объеме; расшириться — стать шире, больше.

На белые бока памятников легли багряные, жаркие отблески заката — — Все кругом странно вспухнуло, расширилось. (Кладбище, 101).

Посветлеть, ожить. Посветлеть — стать светлее; ожить переносно — исполниться жизни, движенья.

Над городком, прижатом к горе, поднялась ущербленная луна, черная река посветлела, ожила, лунный свет словно вымыл всю землю теплой водою (На пароходе, 109).

Глагольные сочетания с дополнительными причинно-целевыми отношениями:

Ползть, просить милостыню. Ползть — очень медленно передвигаться; просить милостыню — нищенствовать, пабираться.

-- Вырасту большой, — говорил он, — сделает мамка тележку мне, буду по улицам ползть, милостыньку просить (Страсти-Мордасти, 382).

Пойти (на богомолье), пропасть. Пойти куда-н. — отправиться куда-н. с определенной целью; пропасть — исчезнуть навсегда, скрыться.

— Все, кричат, вам спичу (достояние) — На богомолье пойду, пропаду на всю жизнь, до конца даже не увидите, не услышите. (На пароходе, 110).

Собраться, уходить. Собраться — приготовиться, снарядиться; уходить — покидать, оставлять какое-н. место.

— К вечеру на другой день заявил я хозяину расчет, а на заре, в воскресенье, собрался, ухожу, тут она и вынесла трубку эту (В ущелье, 166).

Ступать, бегать. Ступай — идти, **бегать** — гулять, играть, резвиться.

— Минька, стой! Подь сюда. Что отец — пьяный? — Отрезвел — —. — Чего делает? — Сидит за столом, думает — —. — Ну, **ступай, бегай** (Нилушка, 69).

Глагольные сочетания с дополнительными разделительно-противительными отношениями:

Согласиться, переспросить. Согласиться — подтвердить что-н., примкнуть к чьему-н. мнению; **переспросить** — еще раз спросить.

А перс посмотрел в море, где Изет возился у лодки, и, протянув туда руку, спросил: — Это — какой? — Ванга, вроде тебя. — Наша, не то **согласился**, не то **переспросил** перс (Вельсчак, 404).

(Не) сердиться, простить. Сердиться — злиться, быть недовольным; **простить** — извинить, не помнить зла.

— Ребята... вы того... **не сердитесь**, праздника ради... **простите** уж (Ледоход, 37).

И другие.

б) Сочетания типа **ходить** — **качаться**, **упасть** — **ткнуться**, которые обозначают как бы два накладывающихся одно на другое действия, из которых первое является основным, а второе сопровождающим, побочным, характеризующим. Глагол, выражающий побочное действие, уподобляется деепричастию. Сравните: **ходить** качаясь, **упасть** ткнувшись во что-н, сидеть не шелохнувшись и т. п. Данная группа включает 22 пары глагольных сочетаний: **ходить**, **качаться** (о человеке), **упасть**, **ткнуться** (о человеке), **качаться**, **маячить** (о былинках), **смеяться**, **рычать** (о человеке), **надвинуться**, **налечь** (о ночи), **расти**, **разгораться** (о мечте), **дремать**, **думать** (о женщине), **светиться**, **играть** (об улыбке), **бегать**, **дрожать** (о зрчках), **завозиться**, **вздыхнуть** (о человеке), **сидеть**, **не шелохнуться** (о человеке), **задуматься**, **замереть** (о человеке), **смотреть**, **следить** (о человеке), **напугать**, **остановить** (о человеке), **замолчать**, **замереть** (о человеке), **насторожиться**, **вытянуть шею** (о человеке), **подумать**, **посопеть** (о человеке), **дрожать**, **подгибаться** (о ногах), **покачиваться**, **провалиться** (об окружающем), **сипеть**, **вздыхать** (о паре), **жить**, **думать** (о человеке), **выкатиться**, **погаснуть** (о глазах).

Превалирующее большинство таких сочетаний имеет прямое значение компонентов:

Ходить, качаться. Ходить — двигаться в одном направлении; **качаться** — пошатываться на ходу из стороны в сторону, переваливаться из стороны в сторону.

Вдоль берега **ходит, качается** у самой воды какой-то человек и гасит ногами искры рыбьей чешуи (Весельчак, 402).

Упасть, ткнуться. **Упасть** — повалиться на землю; **ткнуться** во что-н. — удариться, с силой натолкнуться на что-н.

Подломились руки, она **упала, ткнулась** лицом в землю и снова завывала (Рождение человека, 11).

Смотреть, следить. **Смотреть** — наблюдать за чем-н.; **следить** — всматриваться во что-н.

Его рыжие глазки **смотрят** вниз по съезду на синеватый кусок реки, **следят**, как по атласу реки снуют лодки — — (Вечер у Панашкина), 254).

Качаться, маячить. **Качаться** — ритмически колебаться из стороны в сторону; **маячить** — виднеться вдаль.

В его (мареве) прозрачном серебре **качаются, маячат** какие-то окаянные, серые былинки — — (На Чангуле, 386).

Сочетания с переносным значением одного или обоих компонентов:

Надвинуться, налечь. **Надвинуться** — переносно — наступить, приблизиться; **налечь** — переносно — прижать навалиться на что-н.

Надвинулась, налегла мягкой тяжестью черная ночь (В ущелье, 177).

Расти, разгораться. **Расти** — переносно — крепнуть, развиваться; **разгораться** — переносно — усиливаться, доходить до высшей степени развития.

— — А в душе. — на обиде, **растет, разгорается** дерзкая человечья мечта — — (Ледоход, 32).

Светиться, играть. **Светиться** — переносно — выражать своим видом какое-н. внутреннее состояние; **играть** — переносно — сиять, обнаруживая какое-то чувство.

А один на один со мною он говорит поучительно и ласково, в глазах его **светится, играет** умненькая усмешечка — — (Ледоход, 24).

Сипеть, вздыхать. **Сипеть** — издавать шипящие, хриплые звуки; **вздыхать** — переносно — выпускать и всасывать протяжно воздух.

Сонно чмокают шлепки плещ, под палубой тяжело возится машина, **сипит, вздыхает** пар — — (На пароходе, 103).

И другие.

Проследив употребление двойных глагольных бессоюзных сочетаний в рассказах «По Руси» А. М. Горького, можно утверждать, что использование таких сочетаний — это одно

из стилистических средств писателя, являющееся своеобразной особенностью мастерства М. Горького.

В авторской речи двойные глагольные бессоюзные сочетания вдвое превалируют над их употреблением в речи персонажей.

Нередко контекст обуславливает сдвиги в семантике глагола и способствует правильному пониманию авторской мысли.

Двойные глагольные сочетания у М. Горького обладают большой семантической емкостью и различными смысловыми особенностями, в зависимости от чего и толкуются то слитно, то раздельно.

Глагольные компоненты внутри исследуемых сочетаний используются писателем как в своем прямом, так и в переносном значениях с явным преобладанием первых.

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ
НАД УПОТРЕБЛЕНИЕМ ФОРМ ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА
ЖЕНСКОГО РОДА ТУ, ТУЮ, ТОЕ, ТОУ
В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

(На материале описаний хождений и путешествий русских людей
12—18 в. в.)

В древнерусских письменных памятниках указательное местоимение женского рода ТА в винительном падеже представлено несколькими формами, а именно: исконной членной и нечленной формой этого падежа ТУ и ТУЮ; формой ТОЕ (с последующим ее фонетическим изменением в ТОЁ), восходящей к форме родительного падежа единственного числа, а также формой ТОЮ, представляющей собой, видимо, контаминацию форм ТУ и ТОЕ.¹⁾

Все эти формы известны и современным русским говорам. Так, употребление формы ТОЁ «в значении винит. ед. распространено чуть ли не во всём великорусском языке».²⁾

Форма ТУЮ отмечается преимущественно в северо-западных и западных говорах, а также в говорах белорусских и украинских. Вопрос о широте употребления данных трёх форм вин. пад. ж. р. в письменных памятниках различных жанров, эпох изучен недостаточно. Так, И. В. Ягич с оговоркой высказывает мысль о вероятном появлении формы ТОЕ не раньше 16 века.³⁾

Л. А. Булаховский отмечает, что «в роли винит. ед. ч. в XVII в. преобладает ТОЕ (нередко наряду с ТУ)».⁴⁾

К иному выводу приходит в своем исследовании Е. Н. Петухова: «Именно в 16 веке уже русский литературный язык отверг вторичное образование ТОЕ, в качестве нормы сохранилась форма ТУ».⁵⁾

1) См. А. А. Шахматов Историческая морфология русского языка, М., 1957 г., стр. 176.

2) Н. Дурново Очерк истории русского языка, М. Л., 1924 г., стр. 29.

3) И. В. Ягич Критические заметки по истории русского языка, Сб. ИОРЯС, том, XLVI № 4, Спб, 1889 г., стр. 119—124.

4) Л. А. Булаховский Исторический комментарий к русскому литературному языку, Киев, 1950 г., стр. 157.

5) Е. Н. Петухова Склонение указательных местоимений ТЪ, ТА, ТО в памятниках XIV—XVI в. Уч. зап. Иркутского пединститута, т. 14, 1958 г., стр. 81.

Существовало ли какое-либо различие в значении или употреблении этих грамматических дублетов (ТУ и ТОЕ)? Этот вопрос тоже не подвергался специальным исследованиям. Как свидетельствуют исследования последних лет, употребление формы ТУЮ и в прошлом было территориально ограничено. Так, начиная с 15 в., ее отмечают в памятниках Псковского и Новгородского происхождения.¹⁾

В настоящей статье делается попытка выявить стилистические и грамматические особенности в употреблении данных грамматических дублетов с учетом хронологии и территориальной принадлежности текстов. Исследование проводилось на материале описаний хождений и путешествий русских людей, составивших в древнерусской литературе своеобразный жанр хождений, который еще почти не подвергался лингвистическим исследованиям. В то же время язык хождений дает богатый материал, поскольку среди последних памятники различных эпох, различной территориальной принадлежности.

Среди анализируемых нами хождений выделяются южные — Д. (12 в.), Оп. Т. (17 в.), Вар. Сер. (18 в.); западные и северо-западные — Ан., Ст., Агр., Иг. С. (12-14 в.), В. (15 в.); северо-восточные (московские) — С. С., Вас. (15 в.), П., Т. К., В. Г., К., И. (16—17 в.).

Кроме этого, среди хождений выделяются паломнические, в целом отмеченные большим влиянием книжного, церковнославянского языка, например: Д., Ан., Ст., З., П., И., А. И., М. С. и др., и хождения светские, в языке которых чаще встречаются либо элементы живого, разговорного языка, либо официально-делового — С. С., Аф. Н., Оп. Т. и др.

Некоторые хождения дошли в нескольких списках, сопоставление которых иногда также дает исследователю дополнительный ценный материал.

Всего в исследуемых текстах формы винит. п. жен. р. употреблены 221 раз.

Из них форма ТУ -- 163
ТОЕ — 40
ТУЮ — 15
ТОЮ — 3

Древнейшая форма ТУ встречается во всех хождениях с 12 по 18 в. В хождениях до 16 в. как единственная форма винит. пад. ж. р.:

¹⁾ Е. С. Скобликова. О некоторых особенностях склонения местоимений в «Грамотах Великого Новгорода и Пскова». Уч. зап. Куйбышевского пединститута, вып. 26, Куйбышев, 1959 г., стр. 169—170.

ту серу Д. 8, гору ту Д. 69, 100, во церковь ту Ан. 94, ту
нощь Иг. С. 6, ту мудрость С. С. 83, въ ту святую церковь
В. 24, пихомъ ту святую воду П. 61 и под.¹⁾

Позднее в хождениях форма ТУ употребляется парал-
лельно с другими новообразованиями: ТОЕ, ТУЮ, ТОЮ.

В хождениях с 16 века формы винит. пад. ж. р. ед. ч. рас-
пределяются следующим образом:

Наим. хожд.	Датировка	ТУ	ТОЕ	ТУЮ	ТОЮ
П.	16 в.	20			
Т.К.П.	кон. 16 в. — нач. 17 в.	23	2		
Т.К.	„		2		
К.	первая треть 17 в.	9	8		2
В.Г.	сер. 17 века	7	10		
А.С.	„	8	2	1	
И.	„	1	9		
Ол.Т.	17 в.	5	2		
М.С.	18 в.	22	1		
А.И.	„	1	2		1
Вар.	„	1		2	
Сер.	„	1		12	

Таким образом, форма ТОЕ в хождениях появляется только
с конца 16 в., причем в языке Москвы употреблялась, видимо,
данная форма параллельно со старой формой ТУ, о чем сви-
детельствует «переделка» «Хождения... Позныкова», относя-
щаяся к концу 16, началу 17 в. и вплоть до 1884 года оши-
бочно приписываемая Трифону Коробейникову, выполненная
неизвестным московским книжником. В «переделке» два раза
форма ТОЕ заменяет ТУ:

П.

А хотяъ люди въ ту цер-
ковь въ великой чистоте
П. 23.

И повеле ту очищати
гору и ту землю сыпати на
Аннинъ и Каяфинъ дворъ
П. 48.

Т. К. П.

А входять въ тое цер-
ковь въ великой чистоте...
Т. К. П. 63.

И повеле тое гору очи-
щати и ту сыпати землю...
Т. К. П. 29.

¹⁾ В примерах сохраняется орфография и пунктуация используемых
печатных текстов, исключая начертания буквы «И» (десятиричного), по-
следняя заменена соответствующей буквой современного алфавита.

В другом хождении московского происхождения рубежа 16—17 в. — Т. К., употребляется только форма ТОЕ, только данная форма употребляется и в «Отчете Трифона Коробейникова в розданной царской милостыни»:

А поставилъ **тое** полату жить въ ней Костянтинской жилецъ... Т. К. 76.

А переехали **тое** реку однемъ днемъ в 30 местахъ Т. К. 81. За **тое** свечу дано... От. 94.

Хотелъ **тое** церковь разорить От. 94.

Это позволяет сделать вывод, что в 16 в. форма ТОЕ активно входила в употребление, по-видимому, во все жанры Московской письменности.

Что касается хождения 17 в., то здесь мы можем говорить о параллельном употреблении обеих форм.¹⁾

И, видимо, лишь с конца 17 в. — начала 18 в. отдается явное предпочтение форме ТУ.

В большинстве хождений начала и середины 17 века формы ТОЕ и ТУ выступают как стилистические синонимы: форма ТУ — стилистически нейтральная, ТОЕ — форма, характерная для книжного, возвышенного слога. Форма ТОЕ употребляется, как правило, в следующих случаях:

1. В контекстах церковно-религиозного содержания (пересказ библейских легенд, сказаний и пр.):

и пресвятая Богородица, жаждущая, восхоте воды испити и иде в **тое** деревню... В. Г. 15.

въ ней же пещера, и въ **тое** пещеру св. Елисаветы со Иоанномъ отъ Иродовыхъ слугъ скрыся... И. 24.

въ **тое** расщелину изъ пречестныхъ ребръ Христовыхъ изыде кровь и вода... И. 11.

2. При описании различных святых:

по повелению пашеву турки Божие милосердие, **тое** великую церковь святыю святымъ... отпечатали... В. Г. 34.

... и старцы греческие поидоша въ **тое** великую церковь да и азъ же многорешный пойде въ **тое** великую церковь В. Г. 8.

... а въ **тое** святыю пещеру 3 двери; едины съ полуденныя стены... И. 22.

внити жь теми малыми дверцы въ **тое** пещеру; на десной стране есть место... И. 9.

3. При описании торжественных событий, религиозных обрядов:

¹⁾ Параллельное употребление этих форм отмечает и П. Я. Черныш в языке «Уложения 1649 г.» См. Язык Уложения 1649 г. АН СССР. М., 1953 г., стр. 329.

и принесе лоханю серебряную... и меня розуша дяконъ, и **тое** лохань поставиша въ подножие ногъ моихъ... В. Г. 10.

а старецъ стоя вне **тоя** часовни у дверей и часто въ **тое** часовню смотряше... В. Г. 36.

и голову верблюжью тутъ же привезли на лошади, и **тое** верблюжью голову предъ крыльцемъ... подняли... К. 16.

4. В «Хождении купца Федота Котова в Персию», произведении светского характера, где отсутствует описание святых, пересказ библейских легенд, но зато приводится обширный материал исторического характера (часто это пересказ услышанных во время путешествия преданий), форма ТУ употребляется обычно в живом, непосредственном рассказе самого автора, **тое** — в тех случаях, когда автор повествует со слов кого-то:

... И сказываютъ Бусурманы, что многжды на тою гору ходили, да никто съ нее несойдетъ... и **тое** гору зовутъ не-всходящая К. 8.

... и на той горе стоитъ на верху мечеть каменная; а сказываютъ что былъ Шахъ въ Нетеньзе и стоялъ на поле тешился, и на **тое** гору залетель у него кречеть и убился К. 8.

Ср. употребление обеих форм в небольшом контексте:

... и на той горе лежитъ вековой снегъ зимою и летомъ; а на **ту** гору восходу нетъ никому, а на той горе стоитъ Ноевъ ковчегъ, а Персы и турки **тое** гору называютъ Султана Агры... а у нас **тое** гору зовутъ Араратъ К. 20.

... и на **тое** гору залетель у него кречеть и убился, и Шахъ для того велелъ поставить мечеть надъ кречетомъ на славу себе, и всходу на **ту** гору мало, высока добре К. 9.

Форма ТУ, как правило, употребляется:

1. При описании пути, городов, местности:

... стоитъ гора... и я про **ту** гору спрашиваль... В. Г. 22.

... а въ **ту** башню воду поднимають колесомъ, а воротять то колесо буйволы... В. Г. 19.

... и всходу на **ту** гору мало, вышка добре К. 9. и под.

2. При указании на время — исключительно форма ТУ:

а въ **ту** пору ходить отъ государя посланникъ къ турецкому царю... В. Г. 42.

а въ **ту** 10 дней водять верблюда... а того верблюда въ **ту** 10 дней водять по майдану... К. 14.

и **ту** ночь всю не спать К. 14.

3. В хожд. К. при описании народных игрищ, в отличие от описания торжественных праздников, обрядов (где употребляется ТОЕ, см. выше):

А шахъ велить на ту тешъ всемъ людемъ быти въ лучшемъ платьѣ. И тою водою лютуютъ и грязью мажутся всехъ чиновъ люди часа съ два; а самъ Шахъ съ крыльца ту тешъ смотритъ, и то у него тешъ, а не праздникъ, К. 15.

В отдельных случаях встречаются отклонения от выявленной закономерности в употреблении данных форм: с одной стороны, форма ТУ проникает в контекст с высоким слогом, в контекст, где более обычна форма ТОЕ (4 сл.):

а дать я... 8 денегъ и, выменя свещю, ходилъ в ту полату, где Богородица жила со Иисусомъ В. Г. 18.

А на коей доске учися Господь нашъ Иисусъ Христосъ грамоте, и за ту доску по много лета немцы давали казны много... и немцы тое доску украли и увезли къ себе В. Г. 8.

А, сказываютъ, что царь тотъ дань имель на индейской землѣ... а ту мечеть строилъ тотъ царь К. 7.

С другой стороны, форма ТОЕ в отдельных случаях употребляется в описательной части, где более обычна форма ТУ (6 сл.):

... на посадъ привозятъ воду арапы и продаютъ тое воду во Египеть, а возятъ тое воду на верблюдахъ... В. Г. 16.

и промежъ тое гору течеть река невелика порожица, по ней е... нельзя, а черезъ тое реку мостъ каменной великъ и высокъ... а имя тое реки называютъ... и черезъ тое реку другая дорога... и перешедъ тое реку ходу день... К. 6.

В последнем примере употребление винит. пад. ТОЕ, возможно вызвано чисто грамматическими ассоциациями: после предлога **промеж**, **меж** более обычен родительный падеж, в дальнейшем в этом же контексте встречается и форма род. пад. ТОЕ (имя тое реки), что повлекло за собой и употребление в винит. пад. ТОЕ, а не ТУ.

Подобные отклонения сравнительно редки: из 44 случаев употребления этих двух форм в х. К., В. Г., И. — 10 случаев употребления этих форм без каких-либо стилистических различий. Причем в хождениях паломнических их меньше, чем в светском хождении К. По-видимому, не случайно в хожд. И., слог которого выдержан в духе древних паломнических хождений почти исключительно употребляется форма ТОЕ (9 из 10).

Интересно, что в другом списке хожд. И., в списке «Общества торжеств и древностей Российскихъ» соотношение форм ТОЕ и ТУ иное — 6:8.

В пяти случаях форма ТОЕ заменена формой ТУ:

Список Императорской
публичной библиотеки.

Сп. Общества истории
и древностей Российских.

и вшедь... въ **тое** церковь...
И. 22.

и вшедь... в **ту** церковь...
41.

въ **тое** расценину изъ пречест-
ныхъ ребрь Христовыхъ...
И. 11.

въ **ту** расценину... 40.

а **тое** церковь ныне держать
армени И. 11.

а **ту** церковь... 40.

не темничново камения зделана
св. Елена **тое** церковь И. 10.

... **ту** церковь... 39.

внити ж теми малыми дверцы
въ **тое** пещеру... И. 9.

... в **ту** пещеру... 38.

...мы жъ **тое** воду пихомъ...
И. 6.

... **ту** воду... 35.

Причем интересно заметить, что форма ТОЕ последовательно сохраняется во II списке (Общ...) только при описании святынь, если имеется определение «святой», «великий»:

Сп. Императорской публ.
библиотеки.

Сп. Общества истории...

и въ **тое** святую пещеру...
И. 22.

... въ **тое** святую пещеру...
53.

внити жъ въ **тое** святую пе-
щеру... И. 22.

... въ **тое** святую пещеру...
53.

И в других анализируемых хождениях 17 в. в данном случае употребляется форма ТОЕ.

Вместе с тем во II списке 4 раза употребляется форма ТОЕ при отсутствии вообще формы вин. пад. в списке I.

Причем во II списке формы ТОЕ и ТУ стилистических различий не имеют. Употребление их носит в целом случайный характер:

итти въ **тое** пещеру внизъ лестницею И. 45, сп. Общ.

внити жъ въ **тое** пещеру отъ запада, а другие дверцы въ **тое** святую пещеру съ полунощи... И. 46, сп. Общ.

и въ **тое** пещеру дверцы малые заваливаютъ камением.
И. 47, сп. Общ.

Ср. с примерами употребления формы ТУ на предыдущей странице.

На наш взгляд, II список является более поздним, дальше отстоит от оригинала, поэтому в нем и наблюдается тенденция к употреблению более обычных для конца 17 в. форм.

В грамматическом отношении употребление форм **ТОЕ** и **ТУ** в этом списке также не имеет каких-либо различий, тогда как в списке более раннем (Имп. публ. б.), а также в хождениях К., В. Г. наблюдается следующая закономерность:

при **беспредложном** винит. падеже со значением объекта употребляется главным образом **ТОЕ**;

при **предложном** винит. падеже объекта — **ТУ**.

Исключительно форма **ТУ** употребляется в винит. падеже со значением времени. Ср. следующие данные:

	В.Г.		К.		И. (сп. Имп. публ. б.)	
	ТОЕ	ТУ	ТОЕ	ТУ	ТОЕ	ТУ
1. Беспредложный вин. объекта	4	—	7	2	3	—
2. Предложный вин. объекта	—	5	—	1	—	—
3. Винит. со значением времени	—	1	—	4	—	1
4. Винит. со значением напр. действ.	5	2	5	3	6	—

Без каких-либо стилистических и грамматических различий употребляются формы **ТОЕ** и **ТУ** в «Описании Турецкой империи» при явном преобладании последней (2:5).

Ср.
и как **тое** гору очистить...
Оп. Т. 6.

...переехав **ту** заводь Оп.
Т. 36.

через **тое** всю Турскую
землю. Оп. Т. 17.

через **ту** Дунай реку по-
строены мост стоять... Оп.
Т. 31.

Анализ употребления форм винит. пад. ж. р. **ТОЕ** и **ТУ** в хождениях позволяет сделать следующие выводы:

1. Наиболее употребительна в хождениях форма **ТУ**. До 16 в. употребляется исключительно эта форма.

2. Нет оснований для вывода, к которому приходит в своем исследовании Е. Н. Петухова¹⁾, о том, что в Московской письменности уже в 16 в. форма **ТОЕ** отмирающая. В хождениях она широко употребляется вплоть до 2-ой половины 17 в.

3. В хождениях 17 века (первые две трети) при параллельном употреблении обеих форм прослеживаются имеющиеся между ними стилистические различия. Форма **ТОЕ** (винит. пад.) воспринималась, видимо, как книжная и первоначально

¹⁾ См. стр. 2 настоящей работы.

вытесняла форму ТУ в контекстах с более возвышенным слогом при описании святых мест (особенно при наличии еще определений «святой», «великий»), в пересказе легенд, описании церковных обрядов и пр.

Помимо этого заметна тенденция к употреблению формы ТОЕ при **беспредложном** винительном пад. со значением объекта, формы ТУ — при **предложном** винит. пад. со значением объекта. Исключительно форма ТУ употребляется в винительном падеже со значением времени.

4. К концу 17 в. все чаще употребляется исконная форма ТУ; стилистические и грамматические различия между этими двумя формами стираются.

Форма ТУЮ встречается почти исключительно в южных хождениях 18 века:

имеет ли всякъ тую карту. Сер. 94, тую воду пили Сер. 118, на тую гору Сер. 120, въ тую церковь... вступили Сер. 94, расположенъ же по тую сторону Белаго моря Вар. 58, тую стопу Христову вси путницы любезно лобызають Вар. 65.

В этих хождениях форма ТУЮ является обычной для винит. пад. (в им. пад. в хождениях Сер. и Вар. употребляется также преимущественно членная форма ТАЯ), что объясняется влиянием украинских говоров.

Случаи употребления формы ТУ единичны:

случися винти некимъ купцамъ въ ту церковь помолитися Сер. 89, пловуци же всю ту мощь рано на восходе солнца... Вар. 58. Единственный раз форма ТУЮ употребляется в московском хожд. А. С. (сер. 17 века) параллельно с формой ТУ в одном контексте:

и тую коробью отдать Нурги Керейсу, а велель ему отдать ту коробью Архимандриту Амфилохию. А. С., 210. (ср. в этом же хождении единственный случай употребления формы ТАЯ... другая гора Араратская, и тая со снегом. А. С., 218).

Форма ТОЮ встретилаcь в двух хождениях: дважды в хождении К., где она употребляется рядом с формой ТОЕ, и 1 раз в хождении 18 в. А. И.:

и сказывають Бусурманы, что многожды на тою гору ходили... и тое гору зовуть невъсходлима К. 8.

и тое верблюжью голову предъ крыльцемъ... подняли... а сами мужики завопятъ, и тою вадымали да опушляли... К. 16.

По своему стилистическому употреблению форма ТОЮ равнозначна ТОЕ.

Встречающиеся в хождениях 18 в. формы ТОЕ и ТОЮ являются архаизмами.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Агр. — Хождение архимандрита Агрефения. Православный Палестинский сб. т. 16, вып. 3, 1896 г.

А. И. — Путешествие священника Андрея Игнатьева. Паломники-писатели Петровского и послепетровского времени. Общ. истории и древн. Российских, М., 1874 г.

Ан. — Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград. Археографическая комиссия. Спб., 1872 г.

А. С. — Проскинтарий Арсения Суханова. И. П. Сахаров. Сказания русского народа. т. 11, Спб., 1849 г.

Аф. Н. — Хождение Афанасия Никитина. АН СССР, 1958 г.

В. — Хождение инока Варсонофия ко святому граду Иерусалиму. Правосл. Пал. сб. т. XV, вып. 3., М., 1896 г.

В. Г. — Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Гагары. Правосл. сб. вып. 33. Спб. 1891 г.

Вар. — Путешествие иеромонаха Варлаама. Паломники-писатели Петровского времени. Общ. истории и древн. Российских, М., 1874 г.

Вас. — Хождение гостя Василия. Правосл. Пал. сб. вып. 6, Спб., 1885 г.

Д. — Житие и хождение Даниила русской земли игумена. Правосл. Пал. сб. вып. 3 и 9. Спб., 1883, 1885 г.

З. — Путешествие иеродьякона Зосимы. Правосл. Пал. сб., вып. 24, Спб., 1889 г.

И. — Путешествие по святым местам иеродьякона Ионы по прозвищу Малого. Правосл. Пал. сб., вып. 42, Спб., 1895 г.

Иг. С. — Путешествие дьяка Игнатия Смолянина в Царьград и Иерусалим. Правосл. Пал. сб., вып. 12, Спб., 1887 г.

К. — Хождение купца Федота Котова в Персию. Времен. общ. истории и древн. Российских, кн. XV, 1852 г.

И. С. — Путешествие иеромонахов Новгород-Северского монастыря Макария и Сильвестра. Общ. истории и древностей Российских., М., 1874 г.

Оп. Т. — Описание Турецкой империи. Правосл. Пал. сб., вып. 30, Спб., 1890.

П. — Хождение купца Василия Познякова ко святым местам Востока. Правосл. Пал. сб., вып. 18, Спб., 1887 г.

Сер. — Пудник или путешествие во Св. землю Матронинского монастыря инока Серапиона, Общ. истории и древн. Российских, М., 1849 г.

С. С. — Исхождение Симеона Суздальского на Осмый собор с митрополитом Исидором. И. П. Сахаров. Сказания народа. т. 11, Спб., 1849 г.

Ст. — Сказание о путешествии в Царьград Стефана Новгородца. М. Н. Сперанский. Из старинной Новгородской литературы XIV в. АН СССР, 1934 г.

Т. К. — Хождение дьяка Трифона Коробейникова. Правосл. Пал. сб., вып. 27, Спб., 1808 г.

Т. К. П. — Хождение московских купцов Трифона Коробейникова и Юрия Грекова по святым местам. Правосл. Пал. сб., вып. 27., Спб., 1888 г.

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ
НАД ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ
«ПСКОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ»

Язык летописей остается предметом неустанного наблюдения, т. к. он дает огромный материал для понимания фактов истории языка, материал для выводов и обобщений.

Он сочетает в себе традицию устного языка своего времени и фольклора. Летописный рассказ не дает образцов того живого русского языка, какой мы находим в грамотах, мемуарах, но летописи, в сравнении с грамотами, богаче по содержанию и по данным языка.

Многие выдающиеся ученые-лингвисты отдали дань изучению языка летописей. Некоторые из этих работ посвящены полному описанию языка летописей (фонетика, морфология, синтаксис), например, работа В. И. Борковского «О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку».¹⁾ Другие — лишь отдельным особенностям языка летописей, например, работа Ганцова В. М. «Особенности языка Радзивилловского списка летописи».²⁾

Синтаксический строй летописей описан в работах Е. С. Истриной,³⁾ Е. Ф. Карского,⁴⁾ но наблюдения над управлением в этих работах кратки и отрывочны, без детального анализа форм и их дальнейшего пути развития. Управляемые конструкции на материале языка летописей описаны в ряде статей, вышедших в последние годы.

Язык Псковских летописей меньше привлекал внимание ученых. Полного анализа языка Псковских летописей нет и до настоящего времени. Имеются работы, в которых исследуются отдельные синтаксические явления на материале языка Псковских летописей,⁵⁾ остальные остаются пока неисследованными.

1) Труды комиссии по русскому языку, т. I, 1931 г.

2) Известия ОРЯС, т. 27, 1927 г.

3) Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи. Изв. ОРЯС, т. 24, 1919 г., кн. 2--1923 г., т. 26—1921 г.

4) Из синтаксических наблюдений над языком Лаврентьевского списка летописи. Сб. ОРЯС, т. 101, № 3, 1928 г.

5) Назарова А. М. К вопросу о сказуемом в Псковских летописях. Изв. Крымского пединститута, т. 14, 1949 г.; Собинникова В. И. Одноставные предложения во II Псковской летописи, Труды Воронежского университета, т. 28, 1953 г.; К. А. Утехина. К вопросу об особенностях управления в древнерусском языке. Ученые записки Уральского пединститута, т. II, вып. I, Уральск, 1955 г.

История Псковского летописания изучена Д. С. Лихачевым. По свидетельству Д. С. Лихачева,¹⁾ впервые летописи были изданы в 1837 году М. Н. Погодиным. В 1941 году А. Н. Насонов предпринял новое издание Псковских летописей, т. к. предыдущие издания указывали лишь на основные разночтения и лишали читателей представления о списках летописей. А. Н. Насонов на основании наличия неизданной Псковской летописи по Тихановскому списку разбивает все Псковское летописание на 3 летописи (Псковская I, II, III).

В основу I летописи положен Тихановский список. Но Псковская I летопись, изданная А. Н. Насоновым, не соответствует Псковской I, изданной в IV т. Полного собрания русских летописей.

Псковский летописный свод, составленный в начале 60 г. XV в., дописывался и дополнялся известиями последующих лет. На основе этих дополнений появились летописные своды конца XV — начала XVI в. в.: свод 1464 г., 1469 г., 1481 г. и др. В XVI веке образовалось 2 ветви Псковского летописания. Одна из них представлена Строевским списком (свод 1567 г.), другая — Погодинским списком (свод. 1547 г.)²⁾

В настоящей статье проводятся некоторые наблюдения над глагольно-именными сочетаниями с пространственным, временным, причинным и целевым значением в I Псковской летописи.

В работе, исследующей синтаксические явления одного памятника, невозможно решать теоретические вопросы, однако при группировке синтаксических явлений, при квалификации их приходится сталкиваться с теоретическими вопросами. Поэтому в начале статьи необходимо поставить некоторые общие вопросы, связанные с понятием синтаксической синонимии в системе предложно-падежных конструкций.

Только в советском языкознании вопросы грамматической синонимии начали изучаться как большой, важный и самостоятельный вопрос, имеющий значение для построения грамматической стилистики и повышения культуры устной и письменной речи. А. М. Пешковский в работе «Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы»³⁾ поставил вопрос изучения грамматической синонимии, учитывая его актуальность. В настоящее время вопросы граммати-

¹⁾ Русские летописи и их культурно-историческое значение. Изд. АН СССР. М.—Л., 1947 г.

²⁾ Работа ведется по изданию А. Н. Насонова, Псковские летописи. М., 1941 г., изд. АН СССР.

³⁾ Сборник статей «Ars poetica», М., 1927 г.

ческой синонимии рассматриваются в учебных пособиях, научных статьях, диссертационных работах. Синонимия предложных конструкций на материале современного русского литературного языка исследуется в работах Чивиковой Т. Н.¹⁾, Сайкнева Х. М.²⁾ Поповой Л. Н.³⁾ Уткина Д. В.⁴⁾ Сухотина В. П.⁵⁾ В. Н. Ярцевой,⁶⁾ А. Л. Шумилиной⁷⁾ и др.

Появились первые работы по синонимии предложных конструкций в говорах.⁸⁾ Синонимия предложно-падежных конструкций в историческом плане почти не изучена. Имеются лишь отдельные отрывочные наблюдения в работах, посвященных истории предложно-падежных конструкций. Объясняется это тем, что определение понятия грамматического синонима в историческом плане затруднительно. Даже в такой большой работе Т. П. Ломтева, как «Очерки по историческому синтаксису русского языка», в которой детально рассмотрены предложно-падежные конструкции древнерусского языка и намечены основные закономерности их развития, этому вопросу не уделяется внимания. Синонимия предложно-падежных конструкций в историческом плане исследована Хмара-Борщевской Т. Э.⁹⁾ и В. А. Ивановой¹⁰⁾, З. Д. Поповой.¹¹⁾

1) Чивикова Т. Н. Синонимические предложные конструкции в современном русском языке. Ученые записки МОПИ. т. 12, вып. I, 1948 г.

2) Сайкнев Х. М. К вопросу о синтаксической синонимике в современном русском литературном языке. Ученые записки Казахского ун-та им. С. М. Кирова, т. 14, вып. I, 1952 г.

3) Попова Л. Н. Причинные оттенки некоторых предлогов. Сб. «Научные доклады высшей школы», филологич. науки, № 3, 1958 г.

4) Уткин Д. В. К синонимике объектных конструкций в совр. русск. языке. Уч. зап. Петропавловского пединст. вып. 4, 1960 г.

5) Сухотин В. П. Синтаксическая синонимика в современном русском языке. Издание АН СССР, 1960 г.

6) В. Н. Ярцева О грамматической синонимике, «Романо-германская филология», вып. I, М., 1958 г.

7) А. Л. Шумилина К вопросу о синтаксической синонимике. Иссл. по лексикологии и грамматике рус. яз. М., 1961 г.

8) Пантелеева Е. Синонимия предложных конструкций по материалам говоров Кемеровской обл. Уч. зап. Томского ун-та, т. 47, 1963 г.

9) Л. И. Бараникова О некоторых особенностях взаимодействия разносистемных диалектных лексических единиц в современных народных говорах. Уч. зап. ЛПИ им. Герцена, т. 248, 1963 г.

10) Сочетания с предлогами **ради** и **для** и синонимичные падежные формы в «Книге о скудости и богатстве И. Т. Посошкова». Уч. записки Чувашского пединститута, вып. 3, Чебоксары, 1956.

11) Предложные конструкции, выражавшие причинное значение в древнерусском языке (к вопросу о синтаксической синонимике). Вестник МГУ, историко-филолог. ф-т, серия 1957 г. № 2.

12) К вопросу о синтаксических вариантах, Филологические науки, 1968 г. № 6.

На основании имеющихся исследований по синонимии предложно-падежных конструкций возможно определить сущность понятия «синтаксическая синонимия» применительно к современному состоянию языка.

При установлении синонимичности предложно-падежных конструкций большая часть авторов исходит из того, что они должны выражать определенное грамматическое значение, но отличаться между собой некоторыми дополнительными оттенками. При отсутствии дополнительных оттенков конструкции следует считать не синонимичными, а дублетными образованиями. Мы разделяем точку зрения В. П. Сухотина о том, что «близкие по значению синтаксические образования только в том случае могут быть отнесены к синонимам, если наряду с объединяющими их элементами наличествуют хотя бы минимальные структурно-семантические различия».¹⁾

Принцип взаимозаменяемости синонимичных конструкций признается рядом исследователей: А. Н. Гвоздевым, Д. В. Уткиным, В. П. Сухотиным.

Таким образом, под синтаксическими синонимами (в области предложно-падежных конструкций) следует понимать такие конструкции, которые выражают определенные виды однородных отношений и различаются оттенками этих отношений, грамматическими средствами их выражения и могут взаимозаменяться. Так, например, можно говорить о синонимии конструкций, выражающих отношения пространственной близости, внутренней причины, направления действий, назначения и т. д.

Конструкции, не различающиеся ни по значению, ни по употреблению, в научной литературе квалифицируются как «дублеты», «альтернанты» и др.

В научной литературе имеет место и несколько иное толкование синтаксического синонима. К синтаксическим синонимам относятся такие конструкции (предложно-падежные), которые по своему значению могут совпадать или отличаться друг от друга индивидуальными оттенками определенного значения, но грамматически они должны иметь ярко выраженные различия. Лексический состав конструкций может быть как однородным, так и разнородным. Таким образом, главным при определении синонимичных конструкций должно быть совпадение или сближение их значений при наличии грамматического различия.

1) См. вышеуказанную работу.

В статье В. И. Ивановой «Предложные конструкции, выражавшие причинное значение, в древнерусском языке» автор, кроме использования их в одном грамматическом значении с разными оттенками, добавляет еще одно условие — общность грамматической позиции их употребления. Отмечая грамматические позиции употребления различных форм, автор указывает, какие из них и при каких условиях функционируют в одинаковых грамматических позициях, а какие — в разных.

На основании изучения обширной научной литературы по данному вопросу видно, что он привлекает внимание большого числа исследователей, но по-разному квалифицируется.

Рассматривая синонимия в системе предложно-падежных конструкций древнерусского языка, нужно учитывать, что она будет представлена по-иному в разные периоды развития древнерусского языка. Такое утверждение основано как на изучении древнерусского материала, так и на знании истории развития конструкций и современного их состояния.

Вероятно, можно говорить о синонимии предложно-падежных конструкций для XII—XIV в. в., когда синонимия в основном будет представлена между падежными и предложными конструкциями; для XV—XVI веков, когда синонимия будет как в системе падежных, так и предложных и предложно-падежных конструкций, для XVII века, когда отсеиваются уже многие падежные и предложные конструкции и закрепляются новые грамматические средства для выражения тех или иных отношений. Для каждого из этих периодов синонимичности будет иметь некоторое своеобразие, что объясняется сложной историей развития предложно-падежных конструкций.

«История управления в русском синтаксисе есть в основном история постепенного исчезновения из употребления падежных форм в том или другом значении и постепенного развития, распространения, закрепления и совершенствования предлогов с падежными формами в тех или новых значениях».¹⁾ Для выражения одного и того же значения использовались в древнерусском языке различные и многообразные предложно-падежные конструкции. В языке как бы проходила проба разных грамматических средств для выражения того или иного отношения реальной действительности. Например, для обозначения времени, полностью занятого действием:

бежать всю ночь — во всю ночь — через всю ночь; для обозначения действия, которое совершается ранее другого действия:

¹⁾ Т. П. Ломтев, названная работа, стр. 23.

сделать до приходу — прежде приходу — наперед приходу — перед приходом;

для обозначения основания действия:

пил по отчеванию — за потчеванием;

для обозначения цели:

употреблять в пищу — до пищи — для пищи;

для обозначения причины:

не видел по темноте — за темнотой — из-за темноты.¹⁾

Такие конструкции полностью совпадают по значению, в дальнейшем развитии языка одни из них отсеиваются, другие закрепляются в языке. Если принять первое определение синтаксического синонима, то такие конструкции нельзя считать синонимичными. На основании второго определения это будут синонимы.

В большей части работ по историческому синтаксису такие конструкции квалифицируются как синонимы; но такое утверждение противоречит общим закономерностям развития предложно-падежных конструкций. На основании этого можно сделать вывод о том, что синонимия в системе предложно-падежных конструкций по направлению к нашему времени беднеет, т. к. конструкции — дублиеты отсеиваются в процессе развития языка.

В языке сохранялись те конструкции, которые отличались оттенками основного значения, дополняли друг друга и имели специфическое назначение в языке.

Конструкции с пространственным значением

Рассмотрим некоторые конструкции, используемые для выражения пространственных отношений в Псковской летописи.

1. Из предложных конструкций с родительным падежом в пространственном значении заслуживают внимания конструкции с предлогами **с**, **из**, **от** при употреблении их с названиями населенных пунктов и государств. Предлоги **с**, **из**, **от** с названиями населенных пунктов при глаголах движения имеют в Псковской летописи общеотделительное значение без той дифференциации этого общего значения, которое характерно для современного языка.

¹⁾ Примеры приводятся из памятников XVII века «Дневные записки И. А. Желябужского» и «Путевой дневник столыника П. А. Толстого».

Для обозначения места, откуда исходит движение, используются предлоги **из, с, от**. Шире всего представлены конструкции с предлогом **из**:

поѣха из Новагорода 25; выбѣжал из Москвы 40; поѣха из Пскова 72; приѣха ис Пархова 32; приѣха из Царяграда 42; из Выбора приѣхав 47; той мор пошолъ изъ Индийскыя земли 22; придоша изъ зарубежия Чюдин 64; приѣхавши послы изъ всея земли Немецкыя 16; пришел бѣше моръ из Немецкой земли 27; приведоша собе князя из Литвы 30.

Предлог **с** в этом же значении употребляется лишь с названием **Москва**:

приѣха съ Москвы отъ князя 65; владыка Иван приеха съ Москвы 27; бѣша послы съ Москвы 28; приѣха послы съ Москвы 63;

Единичными примерами засвидетельствовано употребление предлога **от** с названиями городов и государств, в таких конструкциях предлог также имеет общеотделительное значение и близок к предлогу **из, с**;

приѣха митрополить из собора **отъ Риму** 45; той моръ пошол из Индийскыя земли, **отъ Солнечно града** 22; и не поидоша **отъ нового городка** въ Немецкую землю 23; приѣха посоль **отъ Великого Новгорода** в Немецкую землю 23; приѣха посоль **от Великого Новгорода** 56; возвратишася **отъ Порохова** 38;

Подобные примеры могут быть умножены.

Таким образом, для обозначения территории, из пределов которой начинается движение или действие, в Псковской летописи используются предлоги **с, из, от**. Считать их синонимами невозможно, т. к. они употребляются для обозначения одного и того же значения без каких-либо добавочных смысловых оттенков. Эти предлоги выступают в качестве дублетов. Но количественный перевес явно за предлогом **из**, что свидетельствует уже о закреплении его для выражения данного значения.

2. Для обозначения места, к которому направляется действие, в Псковской летописи употребляются конструкции с предлогами **к + дат.; в, на, под + вин.**, причем все конструкции имеют значение направления, часто без указания на то, является ли конечным результатом соседство с предметом, проникновение в его пределы или направление на поверхность:

приидоша къ Новугороду мужи суздальцы 10; нѣмцы къ Пскову 14, 14, 29; сам прииде къ Киеву 8; грамоту посла къ Новугороду 28; начаша вѣсти слати ко Пскову 36, 36; поиде ратию къ Москвѣ 42; прииде вѣсть къ Москве 47; бояря поѣдоша къ городу 63; рать нѣмецкая прииде ко Пскову 23;

ѣдущима къ Пскову 20; оттоле поиде къ Порохову 38; **возвратишася** взад ко Острову 37; оусрѣтоша его идуща къ Пскову 37.

Во всех вышеперечисленных примерах трудно установить, направление или проникновение в пределы обозначают эти конструкции. Только большой контекст дает возможность установить значение таких конструкций.

3. Направление к предмету без захода внутрь в Псковской летописи обозначается конструкциями винит. п. с предлогом **под**:

послаша посадника **подъ Воронач** 36, 37; **ѣхавше** **подъ городок** **подъ** Котелен 36; **ѣздиша** под Новый городокъ 46; **подъ градъ** Псков **подъѣхавши** 12.

Но в отличие от конструкции с предлогом **к** они имеют добавочный оттенок «под стены города». В конструкциях «ехать ко Пскову и ехать под Псков»; «ѣхавше **подъ** городокъ **подъ** Котелень — **ѣхавше** къ городку Котелену» имеются смысловые оттенки: просто направление движения — направление движения **под** стены города. Такой оттенок возникает только при употреблении данных конструкций с глаголами движения.

4. Для обозначения направления движения в пределы какого-нибудь объекта в Псковской летописи широко используются конструкции с предлогами **в** и **на**. Но материал Псковской летописи свидетельствует о том, что широкое абстрактное значение направленности движения вообще создавало возможность смещения в употреблении не только предлогов **к**, **под**, но и **в**, **на**. С названием городов, государств, в которые направлено движение, употребляется широко предлог **в**:

возвратишася во Псков 66,3; **послаша** псковичи въ Литву 15; **послаша** послове въ Витебско 18; **приѣѣже** в Изборско 12, 18; **приѣхал** въ Новгородъ 27; **послаша** въ Великий Новгород 43, 44; **ѣздиша** въ Ригу 46; **сѣбегошася** вси во градъ Москову 47; **послаша** въ Юриев 60; **поиде** во Царьград 40.

Значительно реже, всего несколькими примерами представлены конструкции с предлогом **на**;

на Москву не поѣха 42; **послаша** на Москву къ великому князю 43; **послаша** послы своя на Москву 45.

С названием **Москва** преобладает употребление предлога **на**. В летописи проявляется довольно четкая соотносительность предлогов-антонимов **с** — **на** при употреблении их с названием **Москва**:

съ Москвы — на Москву.

С названиями земель (в значении «государство»), власть (волость) используются предлоги **в** и **на**. В количественном отношении примеры равны:

Прииде Батый на землю русскую 12;

сам поиде на Псковскую землю 28;

идоша на Немецкую землю 29, 66;

самъ поиде на Новгородскую землю 53;

поидоша на Новгородскую власть 45;

прииде мѣстер на псковскую власть 31.

поидоша псковичи во свою землю 20;

ѣхавше во псковскую землю 56;

идоша въ землю немецкую 29;

поидоша в землю Немецкую 30;

группя везоша въ землю свою 3;

прииде въ Новгородскую власть 38.

На сменение в употреблении предлогов **в** и **на** в древнерусском языке указывает Ф. И. Буслаев и приводит примеры из летописей; такое явление наблюдается в языке писателей XVIII и XIX в. в., на что обратили внимание исследователи, изучавшие синтаксис прозы писателей XVIII в. и XIX в. В тех случаях, когда имена слабо обнаруживают различие в направлении действия, происходит колебание в употреблении предлогов **в** и **на** и в языке наших дней (на телегу — в телегу; во двор — на двор; в огонь — на огонь).

Таким образом, для обозначения места, куда и откуда направляется действие, в Псковской летописи употребляется целая группа предлогов, значение которых равнозначно современным предлогам: **из** — **в**.

из (изо) — в.

поѣха из Пскова в Литву 20, 58, 52, 20; приѣхал посол из Юрьева во Псков 69; приѣхаша из Новгорода во Псков 60, 54; поѣха из Пскова в Новгород 48, 52, 52; приѣха из Литвы во Псков 41; приѣха князь из Ростова во Псков 33;

из-на

поѣха из Новгорода на Москву 27; побеже из Москвы на Тферь 41; приѣха из Галича на Москву 41; поѣха из Пскова на Москву 72, 62, 68, 41, 33, 35; поѣха из Новгорода на Тверь 42; выбѣжал из Москвы на Тверь 40; приѣха митрополит Сидор на Москву из Литвы 45;

с — в (во)

приеха с Москвы в Великий Новгород 57; приеха во Псков с Москвы 73;

с — на

оубежа митрополить Сидор с Москвы на Тверь 46;

от — в

возвратишася от Порохова во свою землю 38; не поидоша от **Нового** городка в немецкую землю 23; приѣха посоль от Великого Новгорода во Псковь 56;

от — к

гоняхуть от Пскова и к Новгороду 16; отъеха от него (города) к Новгороду 37.

Но это кажущееся богатство возможностей выражения совершенно аналогичных отношений нельзя отождествлять с синонимией предложно-падежных конструкций.

Лишь конструкции с предлогом **под** имеют добавочный, дополнительный оттенок значения, а именно не просто направление, а направление «под стены города».

5. Для выражения значения большей или меньшей степени пространственной близости в Псковской летописи используются конструкции родительского падежа с предлогами **у**, **около**, **окрест**, винительного падежа с предлогами **возле** и **подле**; творительного падежа с предлогом **под**.

Все конструкции с предлогом **у** обозначают действие, происходящее вблизи предмета, названного существительным в родительном падеже, не означая обязательного примыкания к нему или соприкосновения с ним.

псковичи бяше **оу Орѣшка** 20; постави **у** смердна моста 23; поставиша три костры **у новыя стѣны** 24; князь со всеѣми силами стоялъ **оу Торжку** 45; стояша погани **оу рѣцы**: 31; князь стоит **оу городка** Вопоки 17; даша нам подворие **оу Спаса оу Мирожу, оу святого Николы** 65;

В этом же значении в Псковской летописи употребляется предлог **возле** с винительным падежом.

заложиша церковь **возле старую церковь** 62; стѣны надделаша **возлѣ Великую рѣку** 62; заложиша стѣну **возле Пскову рѣку** 27; горѣло **возле ровь** 73.

С предлогом **подле** + винит. пад. отмечено только 2 примера:

послаша на Норову рѣку **подле новый городец**: 48; поидоша ко Пскову **подле Великую рѣку** 12.

Конструкции с предлогом **около**, обозначая пространственную близость, имеют ярко выраженный оттенок «вокруг».

В словарях Академии Российской 1789--1794, 1806--1822 г. у предлога **около** не отмечено чистого значения бли-

зости. А. Х. Востоков в «Русской грамматике»¹⁾ пишет, что «около, показывающее в собственном значении окружность предмета».

В Псковской летописи все примеры свидетельствуют именно о таком оттенке значения конструкций с предлогом **около** (в значении «вокруг»):

была ту стѣнка **около** всего **посада** 23; намостиша биевище **около** **церкви** 34; заложиша стѣну **около** всего **Запсковья** 71; **около солнца** 6 круг 37; хлѣб и сѣно **около Пскова** отравиша 19;

Лишь в последнем примере можно сомневаться в таком значении. Здесь предлог ближе к «вблизи», чем «кругом». Памятники конца 17 в. свидетельствуют уже о потере предлогом **около** данного оттенка значения, такие конструкции имели значение пространственной близости, а для выражения оттенка «кругом», «вокруг» используется предлог-наречие **круг**: поехал генерал **круг полков**; стали полки **круг города**.

Аналогичными по выражаемому оттенку значения пространственной близости являются конструкции с предлогом **окрест**, представленные двумя примерами:

области бѣ **окрест града Пскова** 38—39;

живущим и **окрест святеи троицы** 50.

Конструкции с предлогами **у**, **возле**, **подле**, обозначают пространственную близость, а конструкции с предлогами **окрест**, **около** по отношению к первым можно считать синонимичными т. к. они имеют добавочный оттенок «вокруг».

Конструкции с предлогом **под** + творит; падеж в значении пространственной близости в Псковской летописи имеют широкое распространение, в зависимой части таких конструкций употребляются только названия населенных пунктов. В отличие от всех остальных конструкций со значением пространственной близости они обозначали не только близость вообще, а специфическое значение близости к нижней части предмета. Особенно этот оттенок отчетливо проявлялся потому, что населенные пункты были обнесены высокими стенами, и действие могло протекать около их подножия, нижней части. А. Х. Востоков, определяя значение и оттенок таких конструкций, пишет, что они указывали на «высокое место, у подошвы коего происходит что-либо».²⁾

под городомъ Вороначем наметаша рагницы 28; были под Островом, под Котелном, а под Псковомъ не быша 29; под

1) Сиб. 1831. стр. 275.

2) А. Х. Востоков, указанная работа, стр. 283, 290.

Пороховом стояша три дни 45; инѣх под Ямою городкомъ побиша 48; былъ подъ городомъ под Опочкою и под Вороначем 37; оже псковичи под Изборском в станах стоять, опочивают 12; ровы изрыша подъ градом; 17;

Но материал Псковской летописи свидетельствует о том, что конструкции с предлогом **под** с названиями населенных пунктов уже теряют оттенок совершения действия в нижней части предмета и приобретают оттенок близости вообще, например:

стояша у Полотьска — под Полотьском; ставше у Новгорода — под Новгородом; стоит у городка Вопоки — под городком Вопокой.

Конструкции с временным значением

1. Для обозначения времени, неполностью занятого действием, в Псковской летописи используются как беспредложные, так и предложные глагольно-именные сочетания. Из беспредложных конструкций широко распространен родительный падеж времени. В составе зависимой части таких конструкций отмечены существительные **осень, лѣто, зима, весна, ночь, день** в сочетании с указательным местоимением **тот**:

тое же зимы изгониша ратню немцы 4; **тое зимы** приѣха 32; **нѣмцы тое зимы** приѣхавше 8;

весна: тое же весны приидоша 14;

ночь: тоя же ноци до свѣта побегоша прочь 23;

осень: тоя же осени засажени избереяни выносиша 23;

лето: того же лѣта приѣха 52.

Если отрезок времени, обозначенный формой родительного падежа, уточняется, то во избежание повторения одной и той же конструкции используется винительный падеж с предлогом **на**, в или родительный падеж с предлогом **до**.

того же дни в той же час бысть знамение 41;

того же лѣта на осень град Черниговъ взять бысть 12;

того же лѣта на весну псковичи наяша мастеров 39;

тоя же ноци до свѣта побегоша прочь 23;

а на весну тоя же зимы пригониша 32.

Но в Псковской летописи не отмечено в составе зависимой части сочетания «того времени», а используются только предложные конструкции **в** + вин. падеж или **на** + местн. падеж.

В то же время посадники начаша собирати 66;
в то же время коли городок поставили 18;
в то же время притужно бяше Изборску 19;
в зимнее время бысть пожар 55;
помози нам **в сие время** 18;
на том же времени послаша 63;
на томъ же времени послаша посла 67—68.

Единичными примерами представлены конструкции местного падежа с временным значением:

зимѣ прият гость 27; наполнишася рѣки воды аки веснѣ 54.

Такие сочетания с временным значением отмечены исследователями в Новгородской, Лаврентьевской летописях и известны в памятниках вплоть до 17 в.¹⁾

Ограниченным числом примеров представлены конструкции с винит. беспредложным падежом во временном значении:

ту ночь до обѣда выгоре весь город 72;
хотят удариться сию ночь 64.

Т. П. Ломтев указывает на наличие таких конструкций в Лаврентьевском списке летописи. Характерны они и для древнерусских грамот.²⁾

Широко представлены в летописи конструкции винит. и местн. пад. с предлогами **в** и **на** для обозначения времени, полностью занятого действием. В зависимой части таких конструкций выступают имена существительные, называющие время по религиозным событиям, другие имена существительные с временным значением используются редко (время, день)

пойде **на срѣтение** 53; пойма **на мясное заговение** 47, докончаша миръ **на оупсение** 49; **на пасху** приѣха 65; приѣхалъ **на Петрово заговение** 25; преста моръ **на Дмитриев день** 46; прииде **на Фарисѣве недели** 28; присла **на масленой недѣли** 33; приведе **на сырной недѣли** 47; отпусти **в великий постъ** 46; Приѣха **в мытареву недѣлю** 48; поставиша **в самъ Троицын день** 26; ядыхуть конину **во святыя посты** 11;

В зависимой части конструкций могут использоваться такие имена существительные, которые не являются единицей измерения времени, но время можно приурочить к ним:

¹⁾ Т. П. Ломтев Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956 г., стр. 242.

²⁾ В. И. Борковский Синтаксис древнерусских грамот, Львов, 1949 г., стр. 375.

убиша немцы на том бою 11; изгнаша на крестномъ целовании 27; послужити въ животе 22; и в той болѣзни преста-
лся къ богу ѿ; въ исповѣданіи представляхуся 21; приѣха
в своем безвремени 28.

Употребление предлогов **в** и **на** в конструкциях с времен-
ным значением ничем не мотивировано, в однородных по лек-
сическому составу предложениях возможен как один, так
и другой предлог и, например:

поиде на мясное заговение в великое говение поѣха 27;

приѣхал на Петрово заговение поѣха прочь в Петрово гове-
ние 25; ние 48;

приѣха на пасху 65;

съезду быти на успение свя- бысть мраз в Петрово говение
тая богородица 60; 43; поставиша в Петрово говѣ-

погоре на самый Духов день ние в среду 46;

28;

переста моръ на Дмитриев Тверь погорѣл в Петрово гове-
день 46; ние 33;

Переславль рускии взять
бысть в средокрестныя недели
месяца марта въ 3 день 11;
преставися в великой постъ в
великий четверг 32; в неделю
сырную бысть гром на небеси
10; ядыхуть конину во святыя
посты 11.

отпусти его на средокрест-
ной недѣле 46;

Однако наблюдение над конструкциями с предлогами **в**
и **на** свидетельствует о том, что они имеют очень тонкие от-
тенки при обозначении неопределенного времени внутри вре-
менного отрезка. Конструкции с предлогом **на** обозначают
срок, канун, приуроченность действия и близки по значению
к конструкциям дательного падежа с предлогом **к** (приеха на
пасху — к пасхе); (переста мор на Дмитриев день — к Дмит-
риеву дню).

Конструкции же с предлогом **в** обозначают совершение
действия в один из моментов времени внутри какого-то вре-
менного отрезка (Тверь погорел в Петрово говение; бысть
мраз в Петрово говение; преставися в великий пост; в вели-
кий четверг).

Конструкции местного падежа с предлогом **при** называют
лицо, в один из периодов жизни или деятельности которого
совершилось действие, событие, факт:

ровы изрыша при княжении Александровъ 17; заложиша город новый при князи при посаднике 39; при Велицѣмъ князѣ и при псковском князи при посадницѣ заложиша стѣну 23; заложиша бысть церковь святыя при Игумене Иовѣ 14.

Для обозначения времени в качестве момента внутри какого-то временного отрезка используются конструкции местного падежа с предлогом **о**. В зависимой части таких конструкций используются существительные с временным значением:

пригнаша ратью **о полудни** 20; поѣха **о средохрестии** 27. в зимнее время **о свадьбах** бысть пожар 55;

Для обозначения действия, которое следует за другим периодом времени, употребляются конструкции местного падежа с предлогом **по**. Предлога **после** для выражения данных отношений в Псковской летописи не отмечено.

По крещении приведе 85; стоять в недѣлю **по вечернии** 31; **по нѣколицах днех** останок собравшеся 3; **по временех княжения** его начаша поганин латыня силу дѣяти 4; **по малѣ времени** бысть знаменне в луиѣ 4; присла во Псков **по Петрове дни** 45; быть во Пскове **по пожарѣ** 5 дней 72.

Для уточнения периода времени, после которого совершается действие, в зависимой части могут использоваться дополнительно различные предложные конструкции, например: за + винительный падеж:

преставися **за недѣлю по велицѣ дни** 27; поиде **за двѣ недѣли по велицѣе дни** 42;

на + винительный падеж:

по рязанском взятии на другое лѣто Переяславль рускии взять бысть 11.

В зависимой части таких конструкций могут использоваться местоимения **тѣ, сѣ**, указывающие на какой-то факт, событие, после которого совершается действие.

И **по семъ** пришедшие нѣмцы и взяша 13; **по сем** Андрѣи с полочаны пригнаше 21; **по том** отрѣкоша псковичи 20; **по том** пять недѣль изиде 28; **по том** князь Александръ бывъ в Литвѣ 17; **по томъ** приѣхавши силнии послы 16.

Единичными примерами отмечены конструкции с предлогами **возле, между, пред**, выражающие временные отношения.

Поставлена бысть церковь **между рождеством и Духом святымъ** 26; поставиша в самъ Троицын день **пред обѣднею** 26; заложиша церковь **возле Покрова** святей богородицы 24; свершена бысть церковь **возле святого Петра и Павла** 44.

Итак, в Псковской летописи для обозначения времени, не-

полностью занятого действием, используются разнообразные беспредложные и предложные конструкции.

того же дни бысть знамение 41;
в той же день литургию соверши 50;
на другой день умираше 72;
того же лѣта псковичи наняша мастеров 39;
на другое лѣто постави 23;
бысть крещена земля русская **в девятое лѣто** 96;
тое же весны приидоша 14;
погорело дворов **40 веснѣ** 35;
на весну князь преставися 35;
тоя зимы пригониша 32;
зимѣ приять гость 27;
на третью зиму взяша 32;
на зиму приѣхаша новгороди 23;
тоя нощи побѣгоша прочь 23;
ту ночь выгорѣ градъ 72;
на тую ночь приидоша 64;
загорѣлося **в ночь** 17;

Это конструкции-дублеты, употребляющиеся без какого-либо семантического оттенка, поэтому их нельзя отнести к синонимичным.

Дальнейшая история развития данных конструкций — это отсеивание дублетов и закрепление отдельных для выражения данного оттенка значения.

2. Для обозначения времени, полностью занятого действием, в Псковской летописи отмечены беспредложные и предложные конструкции. Они называют период времени, за который совершается действие. Беспредложные конструкции представлены единичными примерами.

С винительным падежом:

сѣдоша нѣмцы въ Псковѣ два лѣта 13;
быша во Псковѣ **недѣлю** 65;
горело **день да ночь** 71.

С родительным падежом:

единого лѣта учиниша стѣну 39;
бысть четыре знаменія **единого месяца** 40;

С творительным падежом:

единемъ днемъ поставиша церковь 46.

Для выражения этого же оттенка временных отношений употребляются и предложные конструкции винительного падежа с предлогом **через**. Определение к существительному в зависимой части указывает на совершение действия в течение всего отрезка времени, обозначенного существительным:

бысть та вода **через все лѣто** велика вельми 34;
бишася **через весь день** 16.

Близкими к рассмотренным по выражаемому оттенку временных отношений являются конструкции винительного падежа с предлогом **по**, указывающие на время, за которое совершается действие:

дѣлаша **по 3 лѣта** 23; бысть буря велика зѣло **по три дни** 38; бысть тон морь **по два году** 73.

Все вышеперечисленные конструкции приравняются по значению к современному винительному беспредложному падежу. Но если в таких конструкциях употребляется глагол совершенного вида, например: **по двю недѣль** избвиша пѣмцы искович 14, то они уже соотносятся по значению с современными конструкциями винительного падежа с предлогом **за** (за какой период).

Все конструкции являются дублетами, выражают одно значение временных отношений. В последующий период развития языка часть из них отсеялась, лишь конструкция беспредложного винительного падежа стала единственным средством выражения данного временного значения.

3. Для обозначения времени, с которого начинается проявляться глагольный признак, используются конструкции родительного падежа с предлогом **с**, если конструкции называют отрезок времени, охватываемый действием, то используются предлоги **от-до**:

почаша мрети **с Сласова дни** 27; мроща **от Семеня дни и до Рожества Христова** 73; был тон морь **от Ильина дни до Крещения Господня** 35.

Для указания на временной предел действия используются конструкции родительного падежа с предлогом **до**:

держа **до полулѣта** 27; бишася **до вечера** 24; **до осени** покрыша 27; заложина Новый городокъ и **до осени** совершиша его 62.

Для указания на количество времени, которое предшествует другому, используются конструкции винительного падежа с предлогом **за** + родительный падеж с предлогом **до**:
приѣхаша **за недѣлю до вербницы** 25; поѣхаша **за две до Троицына дни** 26.

Для обозначения времени, с наступлением которого совпадает действие глагола, используются конструкции дательного падежа с предлогом **к**:

К вечеру одолѣ князь Александръ 16; **ко святѣи Троицы** учиниша 33; загорѣлося в субботу **к недѣли** 72.

Конструкции с причинным значением

В Псковской летописи для выражения причинных отношений используются беспредложные и предложные конструкции. Из беспредложных конструкций в причинном значении исследователи отмечают в древнерусском языке употребление родительного, дательного, винительного и творительного падежей, но шире всего для этой цели использовался творительный падеж.¹⁾ В Псковской летописи засвидетельствован только творительный падеж в причинном значении. В зависимой части таких конструкций используются имена существительные с абстрактным значением, конкретные имена существительные представлены в единичных случаях:

все мряху **железою** 71; подхошася **зноем** 23;

болѣзнями и **мором** и **бѣдами** многими умраша 23;

начаша мерети тою же **знадѣбою железою** 73;

оумираху мнози тою **болѣзню** 23.

Е. С. Истрина указывает на возможность подобных конструкций в Новгородской летописи.²⁾

Значительно шире представлены конструкции, в которых используются существительные с абстрактным значением:

милостынями и **вѣрою** очищаются грѣхи 21; **разгнѣванием** божиим оумалилися хлеба 35; **взя Смоленск перелестию** 25; **пнии безсониемъ** одурѣли 22; **помощию, молитвами побѣдиша пѣмцев** 65; **божиим послѣщением** пришеѣ 16; **взыскати повелѣниемъ** окаянного царя Возбяка 16.

Широко в зависимой части таких конструкций употребляются существительные «молитва», «помощь», «благословение», «повеление». Такие конструкции близки к устойчивым сочетаниям, к речевым штампам.

молитвами святого и пренедобного отца Варлама устроить ся обитель 10; **молитвою** же блаженного князя всеволода богъ поможе мужемъ псковичемъ 11; **помощию** святыхъ троица и **молитвою** князя с мужи воспольчившеся 16; **благословением** всемилостивого спаса и **молитвою** святыхъ новоявленныхъ мученикъ 16; поставиша церковь **повелениемъ** доброго господица 26; **повѣлением** князя наддѣлаша на старую стѣну новую 55.

В качестве определения чаще всего при творительном падеже выступает прилагательное «божиим»

1) Т. П. Ломтев, указанная работа, стр. 247, 251, 252.

2) Е. С. Истрина Снягакские явления..., Изв. ОРЯС, 1919, 2 кн. т. XXIV, Петроград, 1923 г., стр. 162.

божимъ поспѣшаниемъ 16; божию помощію 3; разгнѣваниемъ божимъ 35; божию вѣрою 21.

Наряду с формой творительного падежа в причинном значении в Псковской летописи используются и предложные конструкции.

- 1) родительный падеж с предлогами **от** и **ради**;
- 2) дательный падеж с предлогом **по**;
- 3) винительный падеж с предлогами **за**, **про**;
- 4) творительный падеж с предлогом **за**;
- 5) местный падеж с предлогом **о**.

Шире всего представлены конструкции с предлогом **по** + местный падеж; **от** + родительный падеж, остальные отмечены единичными примерами.

Для выражения причинных отношений в древнерусском языке исследователи отмечают более 20 предложных конструкций.

В Псковской летописи отмечено лишь 7 различных предложных конструкций в причинном значении.

1. Для обозначения основания действия, соответствия с законом, правилом используется конструкция дательного падежа с предлогом **по**:

отлучися от службы по правиламъ святыхъ отецъ 73; **отпусти по повѣлению** отца своего и брата 59; **приѣха** посол **по челобитію** немецкому 56; **целова крестъ по** князя великаго слову и **по его воли** 46; **по благословенію** отецъ своихъ **совершиша** церковь 72.

2. Для обозначения «внутреннего основания, мотива какого либо состояния, действия (в значении: в ответ на что-нибудь, в оплату, в вознаграждение за что-нибудь)»¹ используется конструкция **за** + винительный падеж. Причинное значение такая конструкция имеет только при некоторых группах глаголов (воздаяния, состояния, желанія, бытія):²

полонишо погорѣ за согрѣшение наше 71; **посла богъ казнь за умножение** грѣхъ нашихъ 72, 50, 24; **бити челомъ за его жалование** посадниковъ псковскихъ 70; **за умножение** словесъ оставихъ 20; **за множество** умирающихъ не оупсѣвати 21; **за то** много въ гнѣвъ враждоваше 21;

3. В причинном значении засвидетельствованы в Псковской летописи и конструкции местного падежа с предлогом **о**. Причинное значение в данных конструкциях тесно переплетается со значением объекта мысли, речи, чувства:

¹) Виноградов В. В. Русский язык, М., 1947, стр. 690.

²) Ломтев Т. П., названная работа, стр. 378.

Скопи силу велику на князя, жидомонта **о княжении великомъ** 41; воюются и сѣкутся **о княжении великомъ** 42; бысть веселие и радость **о пособии святыя троица** и святого война Георгия 3; и убиша **о князи Юрии** изборян 18; повоеваша **о князи Александрѣ** 18.

Такие же конструкции засвидетельствованы Е. С. Истриной в Новгородской летописи.²

4. Для обозначения источника, мотива, побуждения к действию, выраженного глаголом, употребляется конструкция **от** + родительный падеж. В основном такие конструкции обозначают внешнюю причину действия.

От пламени того загорѣся два костра 41; бысть знамение **от грому** 56; внутри церкви **ото огня** попалило 56; **от богатства** села даваху 21;

5. Единичными примерами отмечены конструкции **ради** + + родительный падеж, **за** + творительный, **про** + винительный падеж.

тебе ради бысть не перестающий морь 30;
разверже миръ псковъски **ради обиды** 29;
заповеди ради божия забывъ злону отца 10;
за тѣм есми не послала, что... 70.
про то Андрѣи **разгнѣвався** 21.

Широкое употребление в летописи разнообразных конструкций в причинном значении еще не свидетельствует о богатстве синтаксических средств. Большая часть конструкций с причинным значением является дублетными образованиями. Перевес наблюдается в сторону предложных конструкций как более совершенных форм для выражения отношений причины.

Соотносительность наблюдается и внутри предложных конструкций, они даже могут быть взаимоизменяемы, но о выражении дополнительных оттенков причинных отношений говорить трудно.

за то — про то разневался;
за то — за тѣм не послали.

В дальнейшем обогащение языка новыми грамматическими средствами для обозначения причины (конструкция родительный падеж + **из-за**) привело к сужению употребления многих из них и сохранению в устойчивых оборотах или за пределами литературного языка.

²) Е. С. Истрина, указанная работа, стр. 160.

Конструкции с целевым значением

Исследователи отмечают в древнерусском языке около 10 различных беспредложных и предложных конструкций для выражения целевых отношений.¹⁾

В Псковской летописи зафиксированы только предложные конструкции: **ради, дѣля** + родительный падеж; **по, на, в** + винительный падеж; **о** + местный падеж. Шире всего используются конструкции **в** + винительный падеж. Значение цели такие конструкции приобретают только при глаголах движения и послыания:

послаша **в помощь** Великому Новгороду 53;
поидоша **в помощь** псковичем 16, 18, 65;
имѣние свое **отдающе въ милостыню** 21;
приѣхаша новгородци **в пособие** 23.

Довольно распространенной в значении цели является конструкция **на** + винительный падеж. В ее состав входили разнообразные имена существительные, обозначающие действие как процесс, являющийся целью действия:

приведе царицу **на брачение** 8; **приѣхаша** послы **на оуправу** во Псковъ 72; **даша** им псковичи **на даръ** князю 50 рублей 58; **послу** добровольно **приехавши на поговорку** 67; **съступишася на брань** 40; **приѣха** в Новгородъ **на княжение** 40, 65, 35, 33, 32. Владыка Герасим **поиде на митрополитство** 40; **прислал на оборону** Пскову 69; **прииде** мастеръ **на взятие** 24.

Несколькими примерами представлена конструкция **о** + местный падеж для выражения цели. В зависимой части употребляются как существительные, так и местоимения.

поѣхаша о князи Еустафии 22;
послаша послы своя **о томъ** 61;
послаша послом на Москву **о томъ** 37.

Конструкции **о** + местный падеж значение цели выражают только при глаголах послыания или движения, при других глаголах они выражают значение объекта:

Единичными примерами представлены в значении цели конструкции **по** + винительный, **дѣля** + родительный, **ради** + родительный падеж.

три собора послаша **по икону** 44;
поѣде в Орду **княжения дѣля** 39;
полонь отпусти **ради поклонения** 38.

¹⁾ Т. П. Ломтев, указанная работа, стр. 253.

Рассмотрев некоторые предположно-падежные конструкции в Псковской летописи, можно сделать следующие выводы:

1) Предположно-падежные конструкции Псковской летописи многообразны как со стороны структурных особенностей, так и выражаемых отношений реальной действительности.

2) В языке Псковской летописи можно отметить ряд конструкций, унаследованных от более древней поры и новые, более совершенные грамматические средства. Так, в летописи используются архаические и типичные для ранних памятников беспредложные конструкции с родительным, винительным, творительным падежами в значении времени и причины. Но значительно шире представлены в летописи разнообразные предложные конструкции.

3) В летописи отразился один из важнейших процессов в истории предположно-падежных конструкций — распространение предложных конструкций и вытеснение беспредложных. Поскольку этот процесс был длительным и сложным, то в языке в один и тот же период могли сосуществовать как одни, так и другие. В Псковской летописи мы видим явно обозначившийся перевес в сторону предложных конструкций.

4. В летописи отсутствует четкое разграничение функций между предлогами **с, из, от; в, на, к**; наблюдается перегруженность значениями некоторых предлогов.

Язык летописи отражает тот период в развитии предложного управления, когда на смену беспредложным конструкциям пришли предложные, но еще окончательно не закрепились, для выражения определенных отношений и в языке проходила «проба» разных грамматических средств для выражения одного значения. В большинстве случаев конструкции для выражения одного значения не имели добавочных смысловых оттенков, т. е. выступали в качестве дублетов, поэтому их нельзя отнести к синонимичным. Вот почему в дальнейшей истории языка многие из них отсеялись, сохранились за пределами литературного языка, и лишь отдельные, наиболее четко выражавшие данное значение, закрепились в языке или возникли новые грамматические средства.

5) Изю всех конструкций, употребляющихся в летописи для выражения пространственных отношений (место, к которому направляется действие) синонимичными можно считать конструкции дательного падежа с предлогом **к** и винительного падежа с предлогом **под**, т. к. вторая обозначает не

только направление, но и имеет добавочный оттенок «под стены города»:

идти ко Пскову — под Псков;

послать в Вороначу — под Вороначу.

В кругу конструкций, обозначающих степень пространственной близости, синонимичными следует считать конструкции с предлогами **у**, **возле**, **подле**, обозначающие близость, и предлоги **около**, **окрест**, обозначающие не только близость, но и имеющие ярко выраженный оттенок «вокруг».

К ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ СЛОВ В ПСКОВСКОЙ I ЛЕТОПИСИ

(по Тихановскому списку)*

(Порядок следования главных членов предложения в простом двусоставном предложении)

Проблема «актуального членения предложения», выдвинутая впервые чешской лингвистической школой, в частности В. Матезиусом, в настоящее время привлекает внимание многих языковедов, в том числе и советских. Стали появляться даже специальные исследования, посвященные данному вопросу, в основном на материале современных языков. В монографии И. П. Распопова «Актуальное членение предложения»¹ изложены различные взгляды и мнения по этому вопросу.² То, что «актуальное членение предложения» (некоторые лингвисты отождествляют его с смысловым³, или, подменяя его понятием синтагматического членения, считают излишним⁴) выходит за рамки синтаксического членения и осуществляется на более высоком уровне (который предлагается назвать по-разному: логико-грамматическим⁵, актуально-синтаксическим⁶), почти ни у кого не вызывает сомнения. (Ср., правда, мнение К. Г. Крушельницкой в указанной работе: она считает, что смысловое членение предложения «входит в синтаксис языка»). Все согласны и с тем, что актуальное членение предложения определяется коммуникативным заданием.

Ученых занимает другой вопрос: каково соотношение актуального членения с членением грамматическим. Вопрос

*) «Псковские летописи». Изд. АН СССР, Инст. истории, вып. I, Москва—Ленинград, 1941.

1) Уфа, 1961 г.

2) Стр. 9—26.

3) Ср. К. Г. Крушельницкая К вопросу о смысловом членении предложения в славянских языках, ВЯ 1956, № 5.

4) А. С. Мельничук Порядок слов и синтагматическое членение предложения в славянских языках, изд. АН УССР, Киев, 1958, стр. 55.

5) Ср. В. В. Панфилов «О соотношении внутрилингвистических и экстралингвистических факторов в функционировании и развитии языка». Теоретические проблемы современного советского языкознания. М. 1964, стр. 82—83.

6) И. Ф. Вардуль Об актуальном синтаксисе. «Тезисы докладов и сообщений на научной дискуссии по проблеме «Язык и мышление», М., 1965, стр. 125.

этот затрагивается во всех работах, связанных так или иначе с проблемой актуального членения предложения: И. П. Распопов, обобщая попытки решения этого вопроса, считает, что между актуальным и грамматическим членениями существует взаимодействие. В предложении представлено и грамматическое и актуальное членение: последнее благодаря своей коммуникативной сущности как раз и обеспечивает наряду с номинативным грамматическим членением структурное единство предложения.¹ При актуальном членении предложения, как известно, выделяются 2 компонента: исходный пункт высказывания — по В. Матезиусу; данное — по К. Г. Крушельницкой; логико-грамматический субъект — по В. З. Панфилову, и соответственно синтагматическому членению А. С. Мельничука (исходная синтагма) и ядро высказывания (= «новое», логико-грамматический предикат, предизируемая часть², основная синтагма). Определение же границ и состава этих двух взаимосвязанных компонентов представляет большие трудности и решается субъективно, хотя и имеются попытки типизировать их. Так, например, И. П. Распопов выделяет 6 «важнейших типов соотношения основы высказывания и предизируемой части». Однако эти типы могут перекрещиваться друг с другом, например, 2-й с 4-м. Так, в зависимости от вопроса (т. е. коммуникативного задания) в предложении «**На другое утро Базаров раньше всех проснулся**» предизируемой частью может быть или **Базаров раньше всех проснулся** или **раньше всех проснулся**. Реализации коммуникативного задания способствует логическое ударение, которое может быть с ним связано, и контекстное окружение.

Одним из основных средств (а в письменной речи, пожалуй, единственным), при помощи которого оформляется актуальное членение предложения, является порядок слов. Те положения о порядке слов, которые представлены во всех пособиях по современному русскому языку, к сожалению, не отражают современное состояние вопроса и по традиции увязывают порядок слов (прямой — препозиция подлежащего, постпозиция сказуемого, обратный = препозиция сказуемого, постпозиция подлежащего и т. п.) лишь с синтаксическим членением предложения, не учитывая коммуникативной нагрузки слов. Последняя, между тем, может быть связана с любым членом предложения или сочетанием слов. Таким образом, порядок слов через актуальное членение предложения выпол-

¹) См. упом. моногр. И. П. Распопова, стр. 43—51.

²) Там же.

няет коммуникативное задание. Правда, в отдельных случаях говорится об обусловленности порядка слов описательным и повествовательным стилем, но полностью это замечание не раскрывается¹. С другой стороны, нельзя согласиться с И. П. Распоповым, когда он утверждает, что порядок слов почти полностью свободен от выражения грамматического членения, и в то же время говорит о возможном распространении предложения путем подключения к центральным членам (т. е. к словам с наибольшей коммуникативной значимостью) слов, грамматически или по смыслу с ними связанных². Вполне допустимо, что порядок слов осуществляет в известной мере связь между актуальным и грамматическим членением. В противном случае трудно объяснить стремление членов предложения располагаться главным образом в пределах групп подлежащего и сказуемого. Так, например, если центром высказывания будет слово, являющееся грамматическим подлежащим, то остальные члены его группы обычно оказываются рядом с ним, соответственно отодвигая от него члены группы сказуемого.

Исходя из актуального членения предложения, исследователи (и в первую очередь В. Матезиус) различают объективный и субъективный порядок слов. Объективный порядок слов заключается в постановке ядра высказывания в конце предложения. Другими словами, предложение разворачивается от основы высказывания (=исходного пункта высказывания) к предцизируемой части (=ядру высказывания). Такой порядок слов наблюдается обычно при спокойной, эмоционально нейтральной речи, в письменной чаще, чем в разговорной, произведениях деловой и научной прозы чаще, чем в прозе художественной.

А. С. Мельничук, исходя из синтагматического членения, называет такой порядок слов «нормальным порядком синтагм».³ С точки зрения грамматического членения объективным может быть и прямой и обратный порядок слов. При обязательном наличии логического ударения порядок слов может видоизменяться — предложение может начинаться с ядра высказывания (предцизируемой части). Такой порядок слов, по введенной В. Матезиусом терминологии, называется субъективным. У А. С. Мельничука ему соответствует инверсивный порядок, и в этом случае автор считает возможным

¹) А. Н. Гвоздев *Соврем. русский литерат. язык*, ч. 2. Синтаксис, Учпедгиз, Москва, 1958 г.

²) И. П. Распопов там же, стр. 48, 97.

³) А. С. Мельничук, там же, стр. 22.

говорить уже не об исходной, а о дополнительной синтагме, которая следует за основной синтагмой.¹⁾

Все упомянутые положения решаются в основном на материале современных языков, в частности русского (правда, В. Матезиус в качестве иллюстраций приводит примеры и из произведений фольклора). Что же касается древнерусских памятников, то порядок слов в них исследован далеко не достаточно. Отдельные замечания по порядку слов встречаются в работах у П. А. Лавровского²⁾, А. А. Никольского³⁾, Э. Егнекера⁴⁾, К. Ф. Карского⁵⁾, С. П. Обнорского⁶⁾, В. И. Борковского⁷⁾ и в современных пособиях по истории языка.

Все эти наблюдения касаются порядка слов с точки зрения грамматического членения. Из последних работ, посвященных вопросу о порядке слов в древнерусском языке, следует отметить работы С. М. Кардашевского «Порядок слов в «Повести времечных лет»⁸⁾», Л. А. Коробчинской «К вопросу о порядке слов в древнерусском языке» (По материалам Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку)⁹⁾ и Р. П. Андроновой «Порядок слов в простом предложении» (на материале памятников русской письменности XVII века)¹⁰⁾.

Остановимся коротко на этих работах. Статья С. М. Кардашевского содержит факты, касающиеся только «расхождения с общими нормами словорасположения современного русского языка»¹¹⁾. Весьма ценны указания автора на обусловленность соответствующего порядка слов повествовательным стилем летописи, хотя при этом сомнение вызывает положение о меньшей значимости постпозитивного сказуемого¹²⁾.

1) А. С. Мельничук, там же, стр. 28.

2) «О языке северорусских летописей», СПб. 1852 г.

3) «О языке Ипатьевской летописи», РФВ, т. XVII, кн. 3—4, 1889 г.

4) «Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи», Изв. отд. по русскому яз. и словесности АН СССР, т. II, кн. I. 1929 г.

5) Очерки по истории русского литературного языка, изд. АН СССР. М.-Л.-д. 1946.

6) «О синтаксических явлениях новгородских грамот 13—14 вв. Уч. зап. Ярославского пед. инст., вып. 4, 1944 г. «Синтаксис древнерусских грамот», изд. Львовского гос. ун-та, 1949 г.

7) Уч. зап. Московского обл. пединститута, т. XII, вып. I, Москва, 1948 г.

8) Канд. диссерт., 1950 г.

9) АКД, Херсон 1958; ср. ее же статья в уч. записках Херсонского пединститута, вып. VI, Херсон, 1956 г.

10) Упомянутая работа, стр. 33.

11) там же, стр. 40.

С. М. Кардашевский перечисляет все дополнительные формальные средства связи с предшествующим контекстом, и тем самым учитывает несомненную роль контекстного окружения.

Л. А. Коробчинская «отмечает три функции порядка слов в древнерусском языке — семантическую, синтаксическую и стилистическую», и пытается выяснить соотношение между ними. Но понятие актуального членения предложения, взаимобусловленность исходного пункта и ядра высказывания, различие между семантической и стилистической функциями для Л. А. Коробчинской далеко не ясны. Правда, автор говорит о смысловой нагрузке слов, находящихся и в начале и в конце предложения, но по традиции считает, что подлежащее в повествовательной деловой речи как выражение субъекта, т. е. как грамматический и логический центр (!?) высказывания, занимает первое место. Такой (прямой) порядок слов считается нормой. в то время, как препозиция сказуемого увеличивает смысловую нагрузку последнего. Таким образом, исходной позицией автора является опять-таки традиционное представление о прямом и обратном порядке слов по правилам грамматического членения.

Гораздо ближе к выяснению соотношения между грамматическим и актуальным членением предложения подходит Р. П. Андропова. Она пытается установить связь между объективным и субъективным, т. е. инверсированным порядком слов, с одной стороны, (правда, автор не употребляет этих терминов) с прямым и обратным порядком слов с другой стороны. Важно и то, что в данной работе учитывается как семантика главных членов предложения, так и способ выражения их. Эти факторы часто обуславливают логическое выделение слов. Все примеры приводятся в обширном контекстном окружении.

В настоящей статье на материале Псковской летописи сделана попытка проанализировать с точки зрения окружения место главных членов предложения и определить те факторы, от которых оно зависит. Как располагал слова летописец и всегда ли словорасположение оформляло коммуникативное задание; какова роль летописного повествовательного стиля с характерной для него погодичной записью событий, каково соотношение с современным порядком слов — вот те вопросы, которые ставятся в данной работе.

Порядок расположения подлежащего и сказуемого, несомненно, связан с местом второстепенных членов предложения, входящих в группы главных членов, поскольку каждое слово в предложении может потенциально стать носителем комму-

никативной нагрузки. Поэтому в статье затрагивается вопрос и о месте второстепенных членов предложения. По возможности, будут приведены и основные схемы словорасположения.

Если в современном русском языке препозиция подлежащего и постпозиция сказуемого более обычный порядок слов (= прямой порядок слов), а обратный порядок (т. е. препозиция сказуемого) представлен значительно реже, то в языке Псковской I Летописи в одинаковой мере обычен и тот и другой порядок слов (как препозиция подлежащего, так и сказуемого).

Препозиция подлежащего — постпозиция сказуемого

1. Препозиция подлежащего и постпозиция сказуемого наблюдается в основном в тех случаях, когда коммуникативное задание выполняет сказуемое и члены его группы. В таком случае они являются целью высказывания, **смысловым центром**. При этом наибольшей смысловой значимостью обычно обладают слова, находящиеся в абсолютном конце предложения. Такими словами чаще всего являются обстоятельства (особенно обстоятельство места) и дополнения (чаще косвенное, реже — прямое).

В абсолютном конце предложения находятся обстоятельства, о которых неизвестно из предшествующего контекста и которые не подсказываются им:

Посадникъ же Селивестръ Левонтиевичъ, и посадникъ Феодоръ Шибалкиничъ съ дружиною своею ѣхавше **под городокъ под Котелень**. (36)

Тое же зимы князь Костянтинъ, братъ меньшии князи великому, въѣха **в Новгород**. (32)

Некотории же рѣша: тои моръ пошол **изъ Индиискыя земля от Солнечно града**. (22)

; а всего владыка былъ во Псковѣ **4 недѣли без дву дни**. (72)

; московичи же градъ ему отвориша, **на святой недѣле в четвергъ**; (42)

; онъ же поѣха изъ Пскова со многимъ бесчестиемъ на Москву к великому князю **жаловатися на псковичъ**. (62)

... и псковичи прия его **честно**. (32)

Тогда же псковичи много челом биша новгородцемъ, дабы имъ помогли; они же не помогоша псковичемъ **нимало**. (29)

В абсолютном конце предложения находятся дополнения:
... а в сторожу послаша Прокофья Машковича да Пуха
Изборянина. Они же оустрегоша **немецкую рать**; (29)
; и земцы безкии даша мастеромъ **300 рублевъ**. (39)
; Всеволод же иде в Киевъ **къ стрывеи своему Ярополку**;
(10 стр.)

Гораздо реже в абсолютном конце предложения встречается **само** сказуемое:

; а новгородцы о всемъ томъ **нерадиша**; (31)

И паки по томъ во Псковъ моръ **преста**. (30)

; псковичи же ему **много биша челом, и онъ не послушаша**. (18)

Однако не всегда слово, стоящее в абсолютном конце предложения, имеет наибольший коммуникативный вес. Иногда в конце предложения находятся лексические элементы, упоминавшиеся ранее или легко подразумеваемые; в этом случае они скорее примыкают к предшествующему коммуникативно наиболее значимому сказуемому, уточняя выражаемое им действие.

И тогда же врѣхъ святыя Троица впался, на третии день Петрова дни; тоя же осени засажни изборяни **выносиша** оупадшии верхъ церковныи (23).

По томъ же отрѣкоша псковичи Андрѣю князю... А про то Андрѣй и отецъ его Олгердъ **разгнѣвася** на псковичи (20—21).

В лѣто 6849. Месяца сентября в 9 день, оубиша нѣмцы в Лотыголѣ, на селе на Опочнѣ, псковскихъ пословъ пять мужь...; и псковичи ѣхавше **повоеваша Лотыголу** о князи Александрѣ Всеволодичѣ (18).

Точно так же ослаблена в конце предложения смысловая нагрузка слов, являющихся обстоятельством времени, если они уточняют более общее понятие времени, помещенное в начале предложения. В этом случае такие уточняющие обстоятельства времени имеют характер присоединительных сочетаний. С точки зрения содержания уточняются таким образом даты военных действий, различных внутренних событий (пожаров, смерти князей и священников), и особенно знамений.

А на другое лѣто град Киевъ плененъ бысть от безбожныхъ Татаръ, от злочестивого царя Батыя, **месяца ноября въ 19 день, в понедѣльникъ**.

Того же лѣта, месяца мая въ 31, на память святого мученика Еремѣя град Псковъ весь погорѣ, **на самыи Духовъ день**. (28)

Того же лѣта Шолога посадник преставился, **месяца сень-
тября в 7 день.** (17)

Того же лѣта знамение бысть въ солнци, **месяца июля в
16 день, в 10 час дни.** (35)

Иногда смысловым центром является в одинаковой мере весь лексический состав группы сказуемого, находящийся в постпозиции по отношению к подлежащему, за исключением тех элементов, которые повторяют нечто известное и контекста и часто являются местоимением. Именно здесь сообщается нечто новое об уже известном субъекте действия:

Того же лѣта псковичи **помостиша мость палвучей и через
Великую рѣку.** (65)

А Нѣмцы и Чюдъ, которые были в городкы, ови згорѣша а нии метáхоуся з городка; псковичи же **иссъѣкоша их мечи.** (20)

Всеволодъ же иде к строеви своему Ярополку; Яропол же **посади его в Вышегородѣ.** (10)

Иногда при наличии логического ударения на члене группы сказуемого, они могут повторять лексический состав предшествующего контекста, не теряя при этом коммуникативной значимости:

и псковичи начаша много кланятися новгородцемъ, да быша дали намѣстника, и помощь. И новгородцы **не даша псковичемъ намѣстника, ни помощи.** (18)

2) В летописном повествовании о событиях часто перечисляются действия, которые в предложении соответственно представлены однородными сказуемыми. Эти действия характеризуются обычно и со стороны условий их протекания и со стороны их объектов. Все эти лексические элементы группы сказуемого составляют центр высказывания, за исключением тех, которые легко восстанавливаются из предшествующего контекста.

Посадникъ же Селивестръ Левонтиевичъ, и посадникъ Феодор Шибалкинич съ дружиною своею ѣхавше под городокъ под Котелень. Он же невѣрный князь Витовтъ **оуслыша псковскую рать, и посла на них своя рати 7000 невѣрных Литвы и Татаръ;** (36)

Они же ѣхавше **языка яша за Холохолномъ и приведоша ко Ольгерду;** (19)

Однородные сказуемые часто располагаются после второстепенных членов своей группы и тогда являются наиболее значимыми: внимание сосредоточено на перечислении действий.

Оубежа митрополить Сидоръ с Москвы на Тверь; и князь тверский Борисъ его **приятъ** и **за приставы посади**, и по томъ его **отпусти** в великий постъ на средокрестной недѣле. (46)

Иногда же при наличии логического ударения на второстепенных членах группы сказуемого они не уступают конечным однородным сказуемым в коммуникативной значимости.

Того же лѣта в рождественное говение князь псковский Александръ Васильевичъ с посадники новгородскими и со псковичи ехавше в **Немецкую землю**, и много повоеваша на 70 верстъ в землю Немецкую, и три ночи ночеваша и три дни и много живота плѣниша, и погостов немецких много ножьгоша и божницу велику выжьгоша и крестъ з божницы зняша и попа немецкаго поимаша, и нѣмецъ и Чюхновъ, мужен и дѣвок много плениша, а все то, животъ и скот и головы ко Пскову провадиша; (57)

А князь Ольгерд и братъ его Кестутин прочь поѣхаша со своѣма людми, а помощи никоея же оучинивше, только хлѣбъ и сѣно около Пскова отравиша (19)

3. Постпозиция сказуемого — центра высказывания, несомненно предполагает и препозицию подлежащего — основы высказывания и, пожалуй, обуславливает последнюю в случае развертывания предложения от известного к неизвестному.

В летописи препозитивное подлежащее или его группа чрезвычайно редко (в 1,5% случаев) занимает абсолютное начало предложения (под абсолютным началом условимся понимать постановку на первом месте в предложении не только самого подлежащего, но и всей его группы). Исключения представляют подлежащие, сопровождаемые частицей же. (Об этом см. ниже).

В большинстве случаев подлежащее, или даже однородные подлежащие, в абсолютном начале предложения выступают как основа высказывания — предмет речи, известный уже из предшествующего контекста или подсказываемый им. В этом случае в качестве подлежащего или членов его состава могут выступать и местоимения.

В то же время владыка новгородцкии Еоуфимей поеха с посадники новгородскими и тысяцкими... добивати челомъ князю великому Василию Василиевичу за свою вину. **Владыка Еоуфимей и посадники новгородския и тысяцкии и посадники псковьския** много биша челом за свою вину (54).

И бишася с ними на леду... **Сии бои** бысть месяца апрѣля въ 1 день; (13).

Ови от богатства села давахоу святым церквам или монастырем... (21)

4. Гораздо чаще препозитивное подлежащее следует за союзом **«и»**, занимающим первое место в предложении (17%). Союз **«и»**, выполняя присоединительную функцию, обычен при целом нанизывании предложений, свойственном древнерусскому языку.¹⁾ Состав подлежащего здесь почти всегда является основой высказывания, так как осуществляет связь с предшествующими предложениями: в нем или воспроизводятся лексические элементы предыдущего высказывания или подсказываются им.

; и послаша псковичи к Давыду князю в Литву, и **Давыдъ князь** приѣха на сыропустной недѣли в четвертокъ (15).

Вороночаномъ же притужно бяше вельми, и мужи **вороначани** и **посадникъ** их **Тимофѣи** и **Ермола** начаша вѣсти слати ко Пскову, ркуще... И **псковичи** послаша Федоса посадника Шибалкинича под Воронач, ко князю Витовту с челобитием... (36)

; они же ѣхавше языка яша за Холохолномъ и приведоша ко Ольгерду; и **онъ** повѣда силу велику немецкия рати подъ Изборскомъ. (19)

Во всех упомянутых случаях постпозитивное сказуемое обычно указывает на последовательность действий в данном высказывании и предыдущем контексте. Но иногда отношения последовательности действий превращаются в отношения следствия и причины:

; и начаша суздадцы стрѣляти, и застрѣлиша икону, и обратися икона к нимъ тыломъ, а на градъ лицомъ, и суздадцы **ослѣпоша**; (10)

Бысть морь великъ во градѣ Псковѣ; и князь Федоръ **пострижеса** на Снетной горѣ. (34)

Иногда (правда, довольно редко) союз **«и»** наряду с присоединительной функцией выполняет и функцию противопоставительную, т. е. он становится идентичным союзу **«а»**.

В то же время псковичи биша челомъ новгородцемъ и архиепископу владычѣ Еоуфимню; и новгородцы псковичемъ не помогоша ни словомъ ни дѣлом. (37)

; псковичи же ему много биша челомъ и **онъ** не послушаша. (18)

5. Почти так же часто препозитивное подлежащее располагается после союза **«а»** (14,6%). В этом случае подлежа-

¹⁾ Ср. Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка, Изд. Московского университета, 1936, § 321.

щее — субъект действия противопоставляется по действию другому субъекту или объекту из предшествующего предложения. Оно несет на себе логическое ударение, но в то же время служит основой высказывания, так как ее компоненты осуществляют связь с контекстом: смысловая нагрузка остается за постпозитивным составом сказуемого. Связь с контекстом очень наглядна при очень, правда, редком употреблении местоимений 3-го лица (1 случай) и субстантивированных местоимений в роли подлежащего, вроде: *инии, прочии, самъ*. Последние могут выступать и в роли определения к подлежащему. Предложения, начинающиеся союзом **а**, чаще всего являются частью сложно-сочиненных предложений.

И псковичи совокупивше свою власть, опрочь пригородовъ, и оусрѣтоша Нѣмецъ оу броду в Туховитичах, а **бродове** бяхуть **вси** заворѣни... (31)

В лѣто 6835. Великий князь Александръ Михайловичъ изби Татаръ на Твери, Севкала безсерменьскаго и дружину его. А **они** наѣхавше многуо силоу велико насилне почаша творити, а князя Александра и братню его побити хотяще; (16)

В лѣто 6496. Взя Владимиръ Корсунъ градъ греческий...; и дасть: Корсунъ за вѣно Грекомъ опять, а **самъ** прииде къ Киеву. (8)

...овы избиша, а иныя поимаша живы, а **прочии** вскорѣ оустрѣмишася на брегъ. (14)

А **инии Нѣмцы**, дружина их, стояше за Великою рѣкою. (16)

Иногда союз **а** выполняет лишь функцию присоединительную и адекватен союзу **и**.

Того же лѣта князь великий Иван Василевичъ присла воеводу своего Феодора Юрневича с людьми своими во Псковъ... И быша во Псковѣ недѣлю; а псковичи даша имъ подворие оу Спаса в монастыри оу Мирожии и оу святого Николы на Завеличии. (65)

Одним единственным примером представлено препозитивное подлежащее, стоящее после начального союза **но**:

Но **богъ** храняше градъ и люди, сущия в немъ, а поганымъ страхъ вложи въ сердца их и обрати я на блг. (19)

6. Очень близкой по функциям к союзу «а» и выполняющей усилительную роль при подлежащем является частица **же**, благодаря которой субъект действия противопоставляется ранее упомянутому действующему лицу и логически выделяется. В то же время подлежащее и его состав служат основой

1) Ср. еще «и» в значении «а», стр. 12.

высказывания, что обосновано их контекстуальной преемственностью. Подлежащее при этом называется или объект действия предшествующего предложения или субъект более отдаленного контекста и очень часто, в половине всех имеющихся примеров, выражается местоимением **он, они**. Подлежащее или его определение при наличии частицы **же** находится в абсолютном начале предложения, а сама частица **же** всегда (как и в современном русском языке) стоит сразу за первым словом, хотя содействует усилению логического ударения на всем составе подлежащего. Коммуникативное задание при этом осуществляет состав сказуемого, который и является центром высказывания. Примеры на препозитивное подлежащее, сопровождаемое частицей **же**, составляют 15,5%.

Того же лѣта Нѣмци поставиша город над Наровою, противъ исада псковского; **псковичи же**, подѣмше область свою, поѣхаша в лодьях со Иваном посадником, а инии на конех. и приѣхавше в Норову к нѣмецкому городкоу, и остоупльша и зажгоша и примѣтом; (20)

И князь Александръ оучини разратие с Нѣмцы, разгнѣвався на псковичъ и поѣха прочь . . . И послаша псковичи пословъ по немъ с поклономъ и до Новагорода; **онъ же** не возвратися, отрече посломъ; (18)

Иногда в составе подлежащего рядом с местоимением выступает и название лица с определением, указывающим на признак, который является обоснованием действия:

Онъ же невѣрнии князь Витовтъ оуслыша псковьскую рать и посла на них своя рати 7000 невѣрных Литвы и Татаръ; (36)

; **онъ же окаяннии Бахметъ** возвратився на третии день, оудари на силу князя великаго . . . (47)

Обоснованием действия может служить и одно определение (без названия лица слова), если оно стоит за местоимением:

; **онъ же невѣрнии** псковьскова челобития не приять. (36)

В отдельных случаях частица **же** не имеет противопоставительно-усилительного характера: она выполняет лишь присоединительную функцию при указании на последовательность действий¹⁾.

; и много биша челомъ князю Великому Ивану Василевичю. **Онъ же** челобитие псковьское приять; **псковичи же** посольство прaviша предъ великимъ княземъ; (63)

¹⁾ С. М. Кардашевский вообще называет «же» союзом, см. упом. работу, стр. 36—37.

.. и тогда рекоша псковичи князю Данилию Олександровичю: яко тебе ради бысть не престающи морь сии оу нас, поѣди от нас: **он же** поѣха изо Пскова, ... (30)

.. а в сторожку послаша Прокофья Машковича да Пуха Изборянина. **Они же** оустрегоша немецкую рать; (29)

Во всех рассмотренных случаях препозиции подлежащего, подлежащее и члены его группы находятся в начале предложения и являются основой высказывания. Высказывание, таким образом, развертывается от основы высказывания к центру высказывания. Группа подлежащего может логически подчеркиваться (при союзе **а**, частице **же**), однако такое подчеркивание основы высказывания отнюдь не изменяет коммуникативного назначения постпозитивного сказуемого и членов его группы. Наибольшей коммуникативной значимостью обладают слова, находящиеся в абсолютном конце предложения. Но в отличие от современного русского языка в Псковской летописи, как и в других летописях, на конце предложения часто встречаются слова — члены группы сказуемого, или известные из предшествующего контекста, или имеющие уточнительный характер — такие члены предложения не являются коммуникативно значимыми.

Все рассмотренные примеры с препозитивным подлежащим, занимающим **начало предложения**, представлены в середине погодных записей, причем повествование ведется чаще всего о каком-то одном событии под определенным годом, которое занимает летописца. Здесь все предложения связаны друг с другом, то есть наблюдается полная контекстуальная обусловленность предложений: предшествующее вызывает последующее, последующее получает обоснование в предыдущем (ср., например, запись под 6849 годом о помощи витебского князя Ольгерда в борьбе против немцев: эта запись к тому же занимает несколько страниц).

7. В большинстве же случаев препозитивное подлежащее располагается за **одним из второстепенных членов состава сказуемого**. Обычно таким является обстоятельство времени. Характер летописного повествования, связанного с погодной записью, часто требует указания на время событий, которое и помещается на первом плане.

В первую очередь сюда следует отнести примеры с указанием на год в начале погодной записи. Такая дата выступает чем-то вроде заголовка и выполняет по сути дела **вводящую функцию** основы высказывания. Основа здесь ограничивает высказывание определенным отрезком времени; состав же смыслового центра констатирует событие, которое вводится во

временной отрезок¹⁾. Таким образом центром высказывания являются и лексический состав группы подлежащего и группы сказуемого (11,8%).

В лето 6922. Псковичи поставиша городъ над Великою рѣкою, и нарекоша имя ему Опочка. (33)

В лето 6956. Князь Александръ Василевичъ с мужи новгородци поиде противу князя ризского местера и противу короля пружского и противу короля швейского Карла (48).

Иногда встречается более точная дата — уточнение следует или сразу же за годом, или в конце предложения; в последнем случае дата как бы обрамляет центр высказывания.

В лето 6969. Месяца генваря въ 20 день, на память святого прегодобнаго и богоноснаго отца нашего Еоуфимия Великаго князь великий Василей Василевичъ приеха с Москвы во свои отчину в Великий Новгородъ со своими сыновами со князем Юрнемъ да со княземъ Андрѣемъ, о всѣх своих оуправах. (57)

В лето 6744. Знаменне бысть въ солнцы, месяца августа въ 3 день. (13)

В лето 6939. Князь Александръ Феодорович и Юрии посадникъ Тимофѣевич и вси посадники псковъския заложиха городъ свой в Котельнскомъ обрубѣ и нарекоша имя ему Выборъ, месяца сентября въ 14 день, на Воздвижение честнаго и животворящаго креста. (39)

Очень часто (32,7%) препозиция подлежащего и постпозиция сказуемого встречается и в середине погодного повествования или наличия в начале предложения других устойчивых сочетаний со значением времени (или более общим, или более конкретным): **того же лѣта** (особенно часто), **в то же время**, **то же лето**, **то же весны**, **тоя же осени**, **в тси же день**, **на другое лѣто**, **тогда же**. Эти сочетания так же, как и год в начале погодных записей, могут уточняться указанием на более конкретное время события.

Того же лѣта и месяца того же в 18 день князь великий Андрѣи Ольгердовичъ приѣха из Литвы от братия из пятия. (25)

Того же лѣта Тверь погорѣлъ в Петрово говѣние. (33)

Все эти сочетания выполняют в контексте присоединительную функцию, объединяя высказывания, заключенные в данном контексте, в одну хронологически единую погодную запись. Подобные обстоятельства времени в предложении

¹⁾ Ср. И. П. Распопов, указ. раб., стр. 64.

составляют основу высказывания с вводящей функцией, так как обычно вводят повествование о разного рода событиях, ничем не связанных друг с другом (даже предметом речи), кроме времени. Центром высказывания является таким образом, и группа подлежащего и группа сказуемого. Ярким примером подобного перечисления событий является погодная запись под 6941 годом:

В лѣто 6941. Владыка смоленский Герасимъ поиде на митрополитство во Царьградъ. **Того же лѣта** здѣлаша притворъ новии оу святаго Богоявления; и буи намостица за Домонътовою стѣною... **Того же лѣта, на осень**, рагоза бысть князю Свитригаилу съ княземъ Жидимонтомъ з братомъ Витовтовымъ, о княжении в Литовьской земли. **Того же лѣта, на осень**, князь литовьский Юрии Лугменевичъ приѣха в Новгород на княжение; и новгородцы приѣша его честно. **Тое же осени** бысть пожар в Новогородѣ... **Тоя же зимы** знаменне бысть в лунѣ месяца генъваря въ 6, въ 7 часе ноци... **Того же лѣта** немецкийи городъ, Колывань выгорѣлъ весь от грому и от молния... и т. д. (40)

В этих случаях, как и в начальных предложениях погодной записи, летописец обстоятельно знакомит нас с действующим лицом — предметом речи: приводятся все уточняющие определения, приложения:

В лѣто 6952. **Феодоръ посадникъ Патрекъевичъ и Прокопиа судья ѣздиша** в Ригу ко князю местеру миру кончати; (46) **Того же лѣта князь Иван Андрѣевъ сынъ, Ольгердовъ внукъ,** поѣха из Пскова за дѣвъ недѣли до Троицына дни и крестное целование сложивъ. (26)

Иногда такие уточняющие определения отрываются от определяемого слова и ставятся в конце предложения: они создают впечатление приписки.

Того же лѣта князь Володимеръ оумре Киевский Рюриковичъ. (12)

Того же лѣта на весну князь Иван Михалович преставися Тверьский. (35)

Сравнительно редко препозитивные подлежащие в подобного типа высказываниях называют лицо или явление уже известное из предшествующего контекста. Иногда целая погодная запись посвящена внутренним событиям в самом городе Пскове. В таких случаях действующим лицом, естественно, чаще всего являются «псковичи».

В лѣто 6942. Послаша псковичи послы въ Новгород, **Ивана посадника Сидоровича и Якима посадника и с ними**

детей боярских; и ездивше не взяша миру. **Того же лѣта псковичи** новыя города оукрѣпиша стѣну и приваши к стѣнѣ оучишиша, единому в берегу на Гдовѣ, а другому в Залѣсьи на Выборѣ. (41)

..Того же лѣта приѣха Феодоръ князь Патрекневич во Псковъ на княжение... **Того же лѣта псковичи** отложиша пѣнязьми торговати и начаша в чистѣ сребрѣ деньги лити: и оттолѣ начаша деньгами торговати. (35)

Изредка известным может быть и другой предмет речи из более отдаленного контекста, но той же погодной записи:

.. В среду в 15 день, на память святого мученика Савы Стина, внезапно пригнаша Нѣмцы ко Изборьскому ратью о полудни... И на первом ступѣ оубиша князя Юрья... **Того же лѣта** Нѣмци поставиша город над Наровою, противу исада псковского. (20)

Во всех этих случаях подлежащее вместе с вводящей временной конструкцией, очевидно, следует считать основой высказывания. Более тесную связь с контекстом осуществляют вводящие временные конструкции = (и) **по сем**, (и) **по томъ же**, (и) **паки по томъ** (3%). Лексический состав подлежащего здесь всегда известен из контекста и вместе с временной конструкцией составляет основу высказывания.

По семъ же что бяше гость псковский в Полтескѣ или в Литвѣ, тѣхъ приемше Олгердъ и сынъ его Андрѣи, товаръ их весь отъяли и кони, и на самых окоупъ понмане, отпустили прочь; **и по сем Андрѣи с полочаны** и своєю оукраины пригнавше без вѣсти и повоеваша неколико селъ Вороначькой волости; (21)

; и приѣха Костянѣтинъ князь во Псковъ... **И по томъ по малѣ времени князь Костянтинъ** посла своего слугу князя Костянтина на добро псковьское... **И паки по томъ, того лѣта, князь великий Костянтинъ** еще оунъ сын, но оумомъ совершенъ, со псковичи подъемъ свою всю область, и идоша за Норову воевати... (30)

В единичных случаях препозитивное подлежащее может располагаться после других второстепенных членов группы сказуемого (обстоятельств причины, образа действия, дополнений), занимающих первое место в предложении (3,9%).

А про то Андрѣи и отецъ его Олгердъ разгнѣвася на псковичи. (20—21)

Молитвою же блаженнаго князя Всеволода и князя Тимофея богъ поможе мужемъ псковичемъ; (11)

; **и тако** князь великий Василей Василевич поиде прочь, оттугу давъ новгородцемъ.

; а на томъ послы немецкия князю великому руку даша и крестъ поцеловаша. (60)

В этих предложениях основу высказывания составляют второстепенный член из группы сказуемого и лексический состав подлежащего, подсказываемый контекстом.

Во всех случаях с препозицией подлежащего, приводимых до сих пор, предложение разворачивается от основы высказывания к смысловому центру. Могут быть лишь колебания в определении объема основы и центра высказывания. Решающим фактором при этом является контекстуальная обусловленность или ее отсутствие.

Однако при наличии препозитивного подлежащего встретилось несколько случаев, когда предложение разворачивается от центра высказывания: в таких случаях коммуникативное задание (связанное с центром высказывания) определяется логическим ударением, которое является обязательным.

Того же лѣта приѣха во Псковъ преосвященный архиепископъ Великого Новагорода; священноиноки, и священники, и дьяконы, и посадники, и бояря, и вси мужи псковичи срътоша его со кресты оу знаменія святен богородицы за новою стѣною; (72)

Василко Полоцкий князь и Всеволоду идущу мимо Полотско самъ выеха к нему... (10)

..и погорѣ Застѣние все; только дѣтиньца святая тронца оублюде въ вижу (14) (Ср. разницу в интонации: и погорѣ Застѣние все; а дѣтинца богъ ублуде — 17)

Как видим, особому логическому выделению слов способствует частица **только**, усилительные союзы **и ... и (ни ... ни)**, определительные местоимения **самъ, весь**.

Иногда такое логически выделенное слово расчленяет основу высказывания:

В лѣто 6894. Град Псковъ весь погорѣ... Того же лѣта и Новъградъ погорѣлъ (24)

Логическое выделение слов обычно при контрастном сопоставлении:

..и созва князь тверичи, и поиде на Шевкала рекъ тако, не яз почаш избивати, но онъ; (16)

Есть случаи, когда членится и один логически выделяемый состав подлежащего — определение отделяется от определяемых слов:

И по томъ сами приѣхаша князь и посадникъ и псковичи. (12)

Наконец, в отношении взаиморасположения подлежащего и сказуемого, следует отметить, что при наличии одиночного

сказуемого оно в большинстве случаев следует сразу же за подлежащим. Такое **контактное** расположение почти не знает исключений в случае вынесения на первое место в предложении членов из состава сказуемого (ср. примеры из разделов 7, 8). Это, в свою очередь, говорит о том, что при наличии вводящей основы высказывания коммуникативная нагрузка распределяется равномерно между действием и носителем действия.

В случаях **дистантного** расположения подлежащего и сказуемого их отрыв осуществляется главным образом за счет причастных оборотов. Эти причастные обороты следует относить к составу сказуемого, так как причастие в них выполняет функции обстоятельств, а иногда и функции сказуемого¹⁾: в последнем случае оборот становится самостоятельным и соединяется с последующим сказуемым союзом **и**.

Архиепископъ же Василиен мало днѣи ту побывъ, поѣха паки изъ Пскова здравъ; (22)

Нѣмцы же оуслышавъше псковскую силу и оустрѣмиша на бѣгъ и запасъ свои пометавше. (63)

Изредка между подлежащим и сказуемым могут находиться и другие второстепенные члены из состава сказуемого: косвенное и прямое дополнение, обстоятельство времени, места, образа действия.

Москвичи же град ему отвориша на святой недѣле в четвергъ; (42)

а новгородцы о всемъ томъ нерадиша; (31)

Того же лѣта Нѣмцы на псковской земли сѣно косиша... (38)

.. а псковичи тогда бяше оу Орешка (20)

.. а прочин **вскорѣ** оустрѣмишася на брегъ (14)

Дополнение, составляющее с глаголом устойчивое сочетание, может находиться и перед глаголом и после него. Это сочетание типа: **крестъ целоваша, челомъ биша ! биша челомъ, посольство правиша, руку даша, взяша мир:**

.. а на томъ послы немецкия князю великому **руку даша и крестъ поцеловаша.** (60)

.. а псковичи много **челомъ биша** новгородцемъ

.. тѣ же иноземцы **биша челомъ** псковичемъ... (66)

псковичи же **посольство правиша** пред великимъ княземъ; (63)

¹⁾ Литературу вопроса о второстепенном сказуемом см. у В. И. Боровского, Синтаксис древнерусских грамот, изд. Львовского гос. ун-та, 1949, стр. 205 сл.

И воевода князя великаго князь Феодоръ здумавъ о княземъ псковьскимъ и с посадники и со всѣми псковичи и **взяша миръ** со юрьевцы на 9 лѣтъ. (67)

Дистантное расположение гораздо чаще встречается при наличии в предложении нескольких групп сказуемых

; он же псковьскаго челобития не прия и поеха в Литву, месяца февраля въ 10 день, на память святого мученика Харлампия. (58)

А местер в то время ходилъ по Демяничи и по Залѣсию, и много пакости оучиниша, и Новгородскон волости много повоеваша и до Кошькина городка гонячися, изеѣкоша мужей и женъ много, а инѣх во свою землю поведоша; (31)

Как отмечают исследователи, дистантное расположение является средством логического подчеркивания главных членов предложения¹.

Но, как показывают примеры, при дистантном расположении между подлежащим и сказуемым находятся слова, известные из контекста и поэтому имеющие наименьшую коммуникативную значимость. Это еще раз подтверждает положение о том, что элементы с наибольшей коммуникативной значимостью имеют обыкновение отодвигаться к концу предложения. Итак, и контактное и дистантное расположение подлежащего и сказуемого обусловлено опять-таки степенью смысловой нагрузки членов предложения.

Препозиция сказуемого — постпозиция подлежащего

По общему количеству случаев препозиция сказуемого в Псковской I летописи представлена несколько чаще, чем постпозиция (50,5%). Но в это число входят и примеры, где препозиция сказуемого имеет место при смешанном порядке слов, то есть при наличии однородных сказуемых, из которых одно препозитивно, другие же находятся в постпозиции. Эти примеры следует рассматривать особо (см. стр. 93).

В отличие от постпозитивного сказуемого, которое объединяло вокруг себя (по месту) членов своей группы, препозитивное сказуемое обычно отрывается от них из-за вклинившегося в состав сказуемого подлежащего. Конец предложения, таким образом, занимают второстепенные члены из группы сказуемого. Вот характерные примеры подобного порядка слов:

¹) Ср. Р. П. Андропова, указ. работа, стр. 7.

; и выедоша псковичи на озеро (54)

Ядяхуть бо тогда людие конину во святыя посты. (11)

И С. М. Кардашевский¹⁾ и Л. А. Коробчинская²⁾ наделяют препозитивное сказуемое в летописях бóльшей значимостью. С этим трудно согласиться³⁾, так как повествовательному стилю древнерусского языка, как и современному русскому языку, не свойственно без особых на то причин смысловое выделение лексических единиц в начале предложения.

Предложение и здесь, как и при постпозитивном сказуемом, развертывается от основы к центру высказывания, причем коммуникативно наиболее значимым является конец предложения. Если при постпозитивном сказуемом смысловая нагрузка могла распределяться на все члены группы сказуемого в большей или меньшей степени, (если они не были известны из контекста), то здесь подлежащее, вклиниваясь, как правило, между препозитивным сказуемым и второстепенными членами его состава, отодвигает последние к концу предложения и тем самым способствует их большей значимости; в то же время, на наш взгляд, **степень значимости сказуемого уменьшается**. Таким образом, в конце предложения могут находиться дополнения, обстоятельства:

А по томъ на другое лѣто взяша Нѣмцы городокъ Ладогу. (14)

...и отбѣгоша Нѣмцы со многимъ студомъ и срамомъ. (16)

и пришед бяше той моръ из Немецькой земли, из Юриева. (27)

В конце предложения довольно часто может находиться подлежащее с относящимися к нему членами. В этом случае оно с наибольшей вероятностью может быть центром высказывания, если его лексический состав не подсказывается предыдущим контекстом. Состав сказуемого тогда целиком препозитивен:

В лѣто 6898. За умножение грѣх наших бысть моръ во градѣ Псковѣ: мряху бо старыя и младыя, мужи и жены и малыя дѣти; (24)

; а воевода у них был Ивашко дякъ (65)

; а инѣх под Ямою городкомъ побиша князь Василеи с мужи Новгородцы. (48)

¹⁾ См. указ. работа, стр. 40.

²⁾ Функции порядка слов в древнерусском языке. «Вопросы языкознания», кн. I, изд. Львовского унив-та, 1955 г., стр. 74—77.

³⁾ Другое дело сказуемые-глаголы, определяющие хар-р граммот. Ср. В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка, изд. АН СССР, 1963, стр. 360.

Тое же осени бысть пожаръ в Новѣгородѣ: погорѣл **около-токъ весь и владычень дворъ** и на церкви святыя Софія кровля погорѣ вся, только не погорѣл **больший верхъ позлащени, оублюде богъ и святыи Софія.** (40)

Но: «князь Витовтъ начать лестми льстити вороночан о перемирии...; и **взяша перемирие** вороночани; здесь подлежащее подсказывается контекстом, и центр высказывания — «взяша перемирие».

При подобном постпозитивном подлежащем характерно употребление глаголов бытия, которые по своей семантической специфике не могут служить центром высказывания. Эти глаголы присоединяются к второстепенным членам группы сказуемого (если таковые имеются) в начале предложения и составляют вместе с ними основу высказывания:

Тогда бѣше **многъ плач зѣло** и лютое кричание съ горкым рыданием; (22)

В лѣто 6839. Бысть **помрачение солнцу.** (17)

И ступнишася с Нѣмцы и бысть **бои и сѣча велика;** (11)

Часто в этом случае подчеркивается признак, выступающий в определении к существительному:

; бысть же тогда во Псковѣ **скорбь и печаль велика;** (20)¹⁾

По отношению к началу предложения можно отметить следующие случаи расположения сказуемого.

1) Очень редко (в 4,2%) сказуемое занимает абсолютное начало предложения.

; **взяху** псковичи **миръ** с Нѣмцы особѣ. (25)

Иногда такое сказуемое сопровождается частицей **же** и союзом **бо**, особенно в тех случаях, если в сказуемом представлен глагол бытия (бѣше, бысть) или вспомогательный глагол **быти** как часть именного сказуемого.

; **бѣше** же та драгость много время. (11)

Бысть же **крещена** земля Руская в девятое лѣто княжения Володимерова. (9)

; **мряху** бо люди, моужи и жены, старыя и младыя и малыя дѣтки и понове и черныцы и черницы. (21)

; **бѣше** бо тогда се знамение:.. (22)

Во всех этих случаях сказуемое с точки зрения актуального членения может лишь примыкать к коммуникативно значимым второстепенным членам своего состава, если те находятся в конце предложения, или может выступать в качестве основы высказывания, если смысловая нагрузка падает на подлежащее.

¹⁾ См. стр. 33—34.

Схема расположения составов подлежащего и сказуемого при этом следующая:

а) сказуемое + состав подлежащего + второстепенные члены из состава сказуемого;

б) состав сказуемого + состав подлежащего.

2) Препозитивное сказуемое находится в начале предложения после союза **и** (23,4%).

И оустрѣтоша псковичи немецкую силу в Осатнѣ. (31)

; отпусти имъ князя Александра Феодоровича; **и приѣде** Александръ во Псковъ месяца февраля въ 40 день... (38)

Здесь, как и в предыдущем случае, центром высказывания являются второстепенные члены состава сказуемого, находящиеся в конце предложения. Центром высказывания может служить и подлежащее, занимающее конец предложения. Сказуемое же обычно входит в основу высказывания.

...загорѣлося от церкви святого Георгия **и погорѣ** Застѣние все. (14)

; **и родися** у него сынъ именемъ Игорь... (8)

; **и бысть** во градѣ Псковѣ радость велия. (13)

После союза и обычно располагается сказуемое, выраженное глаголом-штампом **реша, рекоша, рече!**; центром высказывания при этом является прямая речь, постпозитивная по отношению к подлежащему:

И рекоша ему псковичи: не ѣзди, господине, в Орду... (16)

И рече Володимеръ: крестите мя. (8)

Схема взаиморасположения составов подлежащего и сказуемого:

а) и + сказуемое + состав подлежащего + второстепенные члены из состава сказуемого (в том числе прямая речь);

б) и + состав сказуемого + состав подлежащего.

3) Очень редко, в отличие от препозитивного подлежащего препозитивное сказуемое находится в начале предложения после союза **а** (2,1%). И здесь сказуемое ослаблено в своей коммуникативной значимости; оно входит в основу высказывания, как и остальные члены его группы, известные из контекста. В основу высказывания может входить и подлежащее, если оно расчленяет группу сказуемого.

И вниде князь Юрии Василиевичъ во градъ Псковъ...

А былъ князь Юрии Василиевичъ во Псковѣ три недѣли и два дни. (59—60)

Того же лѣта **бысть** моръ во Псковѣ...; **а пришол** бяше той моръ из Немецкой земли, из Юриева. (27)

См. С. М. Кардашевский, указ. раб., стр. 34.

Того же лѣта свершиша церковь каменну; а постави ю попь Карпь черноризецъ. (27)

Схема та же, что и в предыдущем случае.

4) Большим количеством примеров (27,3%) представлено препозитивное сказуемое в начале погодной записи после указания на год — заголовок. В количественном отношении порядок слов с препозицией сказуемого в начале погодных записей составляет 70,8% от всего имеющегося числа случаев. Дата и здесь служит основой высказывания, выполняя вводящую функцию. При этом дата может быть менее или более конкретной. Уточнение следует или сразу же за обозначением года или в конце предложения.

В лѣто 6477. Оумре княгиня Ольга. (18)

В лѣто 6856. Месяца июня въ 24 день поѣхаша псковичи ко Орѣшку городку новгородцемъ в помощь... (12)

Особенно часто уточняются даты появления знамений и даты смерти князей и других лиц высокого общественного положения:

В лѣто 6820. Преставися Борисъ посадникъ, месяца июля 1. (14)

В лѣто 6807. Бысть знамение в лунѣ, месяца сентября во 8 день. (11)

Центром высказывания во всех этих случаях являются и группа подлежащего и группа сказуемого за исключением обстоятельства времени — даты. Состав сказуемого может быть целиком препозитивен составу подлежащего или может быть расчленен подлежащим.

В лѣто 6497-е. Крестися вся земля Руская; (9)

В лѣто 6865. Прихаша князь Василен Боудиволна на княжение во Псковъ (22)

Итак, схема расположения составов подлежащего и сказуемого выглядит так:

Обстоятельство времени	а) + состав подл. (+ уточняющее обстоят. времени);
как заголовок	б) + сказ. + состав подл. + + второстеп. члены из группы сказ. (+ уточн. обст. времени)

5) Точно такой же порядок слов наблюдается в середине погодных записей при наличии обстоятельственных временных конструкций, вроде: **того же лѣта, в то же лѣто, в то время, тогда, то же зимы, то же осени, по томъ же** (38,6%). Все эти конструкции служат вводящей основой высказывания.

Центром высказывания может быть весь остальной лексический состав высказывания.

Того же лѣта во озерѣ Чюдскомѣ истопили четыре лодии. (24)

Того же лѣта приеха во Псковѣ от великого князя с Москвы князь Феодор Юриевич, **месяца апрѣля въ 29 день на память своего отца Ивана прозвитера**; (73)

Того же лѣта побил мраз жита всюду; (11)

В то же время слышати нача моръ золь на людехъ в дальних странах по земли. (21)

К подобным конструкциям как к основе высказывания может присоединяться и подлежащее, если оно подсказывается контекстом. В последнем случае подлежащее обычно находится между препозитивным сказуемым и постпозитивными членами из группы сказуемого.

; и приѣха Костянѣтишъ князь во Псковѣ... **И тогда оумысли князь великий Костянтинъ**... создати церковь. (30)

Того же лѣта послаша псковичи (речь в записи везде идет о псковичах. — Н. Б.) Стефана посадника Аристовича, и с нимъ бояръ добрых людей много, бити челомъ князю Александру Черторизскому, рекуще себе князя его; (52)

К основе высказывания с вводящей функцией может примыкать и сказуемое — глагол бытия (со стертым лексическим значением):

Того же лѣта бысть рагоза псковичемъ с новгородцами сидевые ради вини... (71)

В лѣто 6722. В недилю сырною бысть гром на небесн. (10)

Схема расположения подлежащего и сказуемого та же что и в разделе 4.

б) В качестве основы высказывания могут выступать и другие второстепенные члены из группы сказуемого, занимающие начальную позицию в предложении, как-то: обстоятельства места, причины, дополнения (1,4%). Само сказуемое обычно тоже включается в основу высказывания. Центром высказывания при этом является подлежащее, если оно занимает конец предложения и не носит присоединительного характера:

; а инѣх под Ямою городкомъ побнша **князь Василей с мужи новгородцы**. (48)

.. а паде рати много и того князя и сего князя; оу Свитриганла падоша **полочани**, а инѣх много руками поймаша. (40)

Если же подлежащее известно, оно чаще всего расчленяет

состав сказуемого и присоединяется к основе высказывания; целью высказывания в таком случае является сообщение об условиях или объекте действия:

И ступишиа с Нѣмцы и бысть бои и съча велика; **на первом ступѣ** оубиша Нѣмцы Кюря Костинича и Кормана посадника, Онтона сына Ильина и инѣх мнозѣх мужици псковичь. (11)

Схема порядка слов:

Любое обстоятельство или дополнение	а) сказ. + состав подлежащего;
	б) сказ. + состав подлежащего + второст. член из группы сказуемого.

Итак, во всех этих случаях порядок слов обусловлен смысловым фактором — от основы высказывания к его цели, центру. Иногда же и здесь желание особо выделить какой-то элемент высказывания может вызвать смещение коммуникативно значимых единиц языка, то есть в предложении будет представлен тот порядок расположения членов предложения, который в литературе назван субъективным:

..и повѣда имъ лиху вѣсть: **всѣх псковичь и изборянь** побили Нѣмцы. (12)

Ови от богатства села даваху святым церквам или манастирем, друзнии же во озерѣ ловища, исадыили что от имѣнии своих, тѣм хотяще собѣ имѣти в память вѣчную, по писаному: **милостынями и вѣрою** очищаются грѣхи. (21)

..и даша новгородцы князю великому полъ девяти тысячи рублевъ серебромъ. **И крестъ целоваша** новгородцы к великому князю Ивану Василиевичю за свои пригороды и за своя волости по старинѣ. (54)

..и поѣха во Изборскъ свящати церкви святого спаса Преображенна ...; и **священа бысть** церковь. (20)

7) Препозиция коммуникативно значимого сказуемого часто осуществляется и за счет смешанного порядка слов: когда в предложении имеются однородные сказуемые, то первое из них препозитивно подлежащему, остальные — постпозитивны.

И **совокупивше** псковичи свою власть и вси пригороды, и **пойдоша** на Новгородскую власть князю великому в помощь, и **воеваша** Новгородскую власть и под Порховомъ стояша три дни. (45)

; и **обиѣхаша** псковичи Нѣмецъ, и **оубиша** Нѣмецъ 20 мужь, а 7 живых **руками яша**, помощию святыхъ гроица. (29)

И по семъ **пришедше** Нѣмцы и **вояша** град Псковъ, и съдоша Нѣмцы въ Псковъ два лѣта. (13)

Во всех этих случаях центром высказывания являются составы постпозитивных сказуемых и состав препозитивного сказуемого вместе с постпозитивным подлежащим, оформляющим в высказывании неизвестный субъект действия, или без подлежащего, если производитель действия известен. Степень коммуникативной значимости и препозитивного и постпозитивного сказуемых здесь одинакова.

8) Препозитивное сказуемое за немногими исключениями располагается относительно следующего за ним состава подлежащего контактно. Обычно таким контактным бывает простое глагольное сказуемое, выраженное весьма однообразными по своей семантике глаголами, преимущественно в форме аориста. Это в первую очередь глаголы движения: **приѣха (-ша), прииде-приидоша, оубѣжа, пригнаша, приспѣ**. Из других глаголов наиболее часто употребляется глагол **преставися**; другие глаголы: **рекоша, вынесоша, заложи, бишася** и устойчивые глагольные сочетания: **целоваша крестъ, взяша миръ**. В последнем случае данные приглагольные дополнения могут стоять как перед глагольной формой, так и после нее; иногда же подобное дополнение отрывается от глагола-сказуемого. Сравним примеры:

..и целоваль (!) **крестъ** Тимофей посадникъ Юриевичъ.. (26)

; а от Новагорода **целоваша крестъ** Самсонъ посадникъ Ивановичъ.. (43)

И **крестъ целоваша** новгородцы.. (54)

..и **целоваша** Нѣмцы на томъ **крестъ** на вечн.. (67)

Сказуемое-глагол бытия в различных формах прошедшего времени также может стоять непосредственно перед составом подлежащего:

Того же лѣта **бысть** мраз в Петрово говѣнне.. (43)

; **бяше** же та драгость много время. (14)

А **быль** тои князь Володимеръ Данильевич в Литвѣ десять лѣтъ.. (41)

В примерах с препозицией составного именного сказуемого наиболее часто встречается сказуемое, выраженное вспомогательным глаголом в форме **бысть** и краткой формой страдательного причастия. Взаиморасположение этих составных частей сказуемого всегда (за очень редким исключением) одинаково: **причастие + бысть**. Эти сказуемые очень однообразны по семантике и обычно обозначают действия, связанные с постройкой (церкви): **заложена бысть (церковь), поставлена бысть, с(о)вершена бысть, подписанъ бысть (при-**

творь). Имеется лишь одно отличное по семантике сказуемое — оубиенъ бысть, оубить бысть¹⁾.

Данные сказуемые в препозиции всегда находятся непосредственно перед подлежащим:

Того же лѣта **заложена бысть** церковь камена Оуспение святаыя богородица на Мелеотовъ.. (61)

Кончаны быша перси оу Крома. (25)

тогда **оубиенъ бысть** Аристь староста святѣи Троицы, и около его добрыхъ людей много побиша. (29)

Постпозитивное расположение подобных сказуемых (более разнообразных по семантике) не изменяет порядка следования его частей:

; и по Рязаньскомъ взятни на другое лѣто Переяславль Руский **взять бысть** в средокрестныя недели, месяца марта в 3 день... (11)

Того же лѣта Изборескъ **поставленъ бысть** на новом мѣсте.

Дистантное расположение препозитивного сказуемого и постпозитивного подлежащего осуществляется в основном за счет обстоятельства места и дополнения (прямого или косвенного), причем в качестве дополнений обычно выступают лично-указательные местоимения, указывающие на то, что объект уже известен.

Того же лѣта приѣха **во Псковъ** преосвященный архиепископъ Великого Новагорода и Пскова владыка Иона. (72)

.. и повель влещи Пероуна в Волховъ; и повязавше оужи и влечаху его, биюще и пхающе; и в то время вшелъ бѣше **в Перуна** бѣсъ и кричаше: ох, ох мнѣ.. (9)

И **быль оу него** владыка полотский Феодосии.. (25)

.. а постави ю попь Карпъ черноризецъ. (27)

Гораздо сложнее обстоит дело с составным именным сказуемым, именная часть которого выражена существительным или прилагательным. Сравним примеры:

1) А в то время **быль посоль** в Литвѣ псковьскии Киприянъ памѣстникъ Лодыжкшиичъ. (28)

2) ; а **воевода** у них **был** Ивашко тяякъ. (65)

3) ; а **быль** тои Еоуфимей **чернцемъ** во владычиѣ дворѣ. (42)

Как видим, в первых двух случаях составное именное сказуемое препозитивно подлежащему. Различно лишь располо-

¹⁾ Очевидно, сказуемые в такой форме и с такой семантикой характерны и для других летописей, так как приводятся и С. М. Кардашевским (см. указ. работа, стр. 38) и Л. А. Коробчинской (в диссертации § 7).

женне его составных частей, так как оно зависит от наличия и отсутствия особого смыслового подчеркивания вследствие сопоставления (ср. 2-ой пример). Коммуникативную нагрузку несет подлежащее, стоящее в постпозиции по отношению к сказуемому и одновременно занимающее конец предложения. В третьем же примере наоборот — коммуникативная нагрузка связана с именной частью составного сказуемого, которая поэтому и располагается за подлежащим. В этом случае, понятно, нельзя говорить о препозиции сказуемого, так как его значимая часть постпозитивна подлежащему.

Точно такой же случай наглядно представлен в следующем примере, где сказуемое содержит именную форму прилагательного.

Тогда **бъшеть** боголюбивыи Александръ еще **оунъ верстою, а оумом свершень, цѣломудръ душею**.. (16)

Здесь утверждается наличие признака предмета. То же имеем и в примерах:

В лѣто 6811. **Бысть** зима тепла без снега, и **бысть** хлѣб дорог велми. (14)

Того же лѣта **бысть** зима снежна велми, и много паде снѣгу, и по томъ на вѣсну **бысть** вода велика и силна зѣло, наполнишася источницы воднии и озера; (34)

Ср. такое же утверждение признака при препозитивном употреблении обеих частей именного составного сказуемого:

Того же лѣта во Псковѣ **бысть** дорог хмель, зобницу купили по полтинѣ. (73)

В научной литературе принято считать постпозитивное именное прилагательное в именительном падеже именной частью составного сказуемого¹⁾. Думаю, что потенциальная предикативность, свойственная постпозитивным именным формам прилагательных, отнюдь не лишает последних возможности выступать в качестве определения к существительному. Так, например, не вижу различия в обозначении признака препозитивным и постпозитивным именным прилагательным в следующих примерах:

¹⁾ В. И. Борковский, Синтаксис древнерусских грамот, изд. Львовского гос. ун-та, 1949, стр. 188—204, 219—228; С. М. Кардашевский, указ. раб., стр. 38; Л. А. Коробчинская, диссертация, § 7; Т. П. Ломтев, Очерки по историческому синтаксису русского языка, изд. Московского ун-та, 1956 г., стр. 136—140; М. А. Соколова, Очерки по исторической грамматике русского языка, изд. Ленингр. ун-та, 1962 г., стр. 242—244, стр. 255. Ср. также Е. С. Истрина, Употребление именных и местоименных форм имен прилагательных в Синодальном списке 1 Новгородской летописи, ИОРЯС, т. 23, кн. 1 за 1918 г.

Тогда бѣше **многъ плачъ зѣло** и лютое кричаніе.. (22).

..и бысть въ Псковѣ **плачь великъ** и кричанье. (12)

В этих случаях утверждается наличие явления, события (с возможным его качеством), а не наличие признака. То же имеем в примерах:

Се же едущима има со **многимъ** полономъ къ Пскову, внезапно бысть **погоня велика** Немецкая.. (20)

Бысть въ Плесковѣ **вторыи моръ лютъ зѣло**. (22)

..и бысть **радость велика** вездѣ. (22)

(Ср. и бысть во градѣ Псковѣ **радость велия**. (13) и бысть **гладъ** золь по всей земли. (11)

(Ср. Того же **лѣта великии гладъ былъ**. (11))

На наш взгляд, несомненна синтаксическая роль прилагательного (= определение) при одном из несколько однородных существительных:

Тогда бѣше во Псковѣ **туга и печаль и молва многа** в людех по боголюбивомъ князе Александрѣ.. (17)

..и бысть **бои и сѣча велика**. (11)

..и бысть **радость и веселие велико** во градѣ Псковѣ. (12)

..бысть же тогда во Псковѣ **скорбь и печаль велика**; (20)

В этих случаях можно говорить о препозиции сказуемого, выраженного глаголом бытия.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Для древнерусского языка Псковской I летописи нормой является как препозиция подлежащего — постпозиция сказуемого, так и препозиция сказуемого — постпозиция подлежащего. Как в том, так и в другом случае высказывание развѣртывается от известного, **обусловленного контекстом** и представляющего основу высказывания, к неизвестному — центру сообщения.

При препозиции подлежащего — постпозиции сказуемого центром высказывания обычно является состав сказуемого, особенно его второстепенные члены, часто выступающие в конце предложения и поэтому обладающие наибольшей коммуникативной значимостью.

При препозиции сказуемого — постпозиции подлежащего состав подлежащего может или занимать конец предложения и являться центром высказывания или стоять непосредственно за сказуемым, отодвигая второстепенные члены состава сказуемого в конец предложения. Такое расчленение подлежащим группы сказуемого не меняет коммуникативного назна-

чения последней; оно лишь способствует возрастанию коммуникативной значимости второстепенных членов состава сказуемого, находящихся за подлежащим, и умалению коммуникативной значимости самого сказуемого, которое даже интонационно примыкает к подлежащему. В этом случае мы имеем, очевидно, дело с **стилистическим вариантом** — **синонимом** порядка слов, свойственным летописному повествовательному стилю.

При наличии основы высказывания с вводящей функцией (особенно в начале погодных записей) центром высказывания обычно выступают обе группы — и группа подлежащего и группа сказуемого независимо от их взаиморасположения. В количественном отношении препозиция сказуемого здесь гораздо чаще препозиции подлежащего.

В редких случаях наблюдается субъективный порядок слов — предложение развертывается от центра высказывания к основе благодаря особому логическому выделению слов, обуславливающему их коммуникативную нагрузку.

К ВОПРОСУ О СЛАВЯНО-БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЯХ (по данным топонимии Латвийской ССР)

Славянские и балтийские языки генетически родственны. Кроме того, они распространены на соседних территориях и на протяжении длительного времени взаимодействуют между собой. В круг контактирующих языков входят западно- и восточнославянские (польский, белорусский и русский), с одной стороны, и балтийские (литовский, латышский), с другой стороны. Таким образом намечается не только западно-восточнославянская языковая общность в определенную эпоху, как на это указал Т. Лер-Сплавинский¹⁾, но и западно-восточнославянско-балтийский языковой ареал, что прослеживается на различном языковом материале, в том числе и по данным топонимии.

Рассмотрим одно из таких явлений в области топонимии. Топонимический тип *podgóra, zalas*, как известно, установлен польским топонимистом М. Карасем²⁾ как общеславянский тип. Предположение это подтверждается целым рядом наблюдений, сделанных на других славянских территориях, в том числе и на русской³⁾. Материал по этому вопросу непрерывно пополняется новыми данными и дополнительными выводами. Так, в тезисах доклада А. М. Прищепчик⁴⁾ рассматривается этот же тип на белорусском материале. Ю. А. Карпенко⁵⁾ также останавливается в своих тезисах на этой теме.

При изучении соответствующего материала возникает два вопроса, на которые уже указывалось в литературе.

Во-первых, действительно ли это общеславянский топонимический тип или образование другого порядка? Ответ на этот вопрос уже имеется в литературе. В. А. Никонов⁶⁾ и Ю. А. Карпенко⁷⁾ утверждают, что здесь не общеславянский тип, а одинаковый результат развития одинакового исходного материала. Действительно, этот тип не генетически общий, поскольку это новообразование, а лишь исторически общий, как результат сходного процесса развития родственных языков. Такие сходные процессы имеют место в родственных языках и свидетельствуют о новой, возрастающей близости современных языков.

Известным возражением против гипотезы общеславянского топонимического типа может быть наличие аналогичных образований на других, неславянских территориях и в других,

неславянских языках. Если же учесть, что такие структурные типы распространены на соседних территориях, то вполне возможно говорить об общей изоглоссной области, переходящей языковые границы, о языковом ареале.

Во-вторых, являются ли образования типа podgóra, zalas префиксальными или непрефиксальными? Решение этого вопроса связано с рассмотрением различных типов становления данного топонимического типа. Ю. А. Карпенко⁸⁾ считает этот тип непрефиксальным, учитывая исходный момент его образования, в то время как целый ряд других авторов⁹⁾ называет их префиксально-бессуффиксальными образованиями.

Рассмотрим последовательные этапы становления данного топонимического типа, исходя из данных языка в целом.

Для современного русского языка образования имен существительных со значением места префиксальным способом непродуктивно. Можно отметить лишь такие немногочисленные примеры, как «пригород», «заграница» и, возможно, «погост». В то время как в топонимии, и особенно микротопонимии, такие образования распространены значительно шире, как указывают многие исследователи¹⁰⁾. Так, В. И. Тагунова¹¹⁾ приводит примеры из микротопонимии Муромской области «зозеро», «завраг», «поддуб». Поскольку данные топонимии (и микротопонимии) могут быть древнее современных имен нарицательных, то надо полагать, что этот тип не нов для русского языка и его словообразование могло претерпеть различные изменения.

Исследователи данного топонимического типа располагают материалом по трем основным этапам его развития: 1) предложно-именное словосочетание (напр. За озером), 2) словосложение типа предлог плюс имя существительное (напр. Заозеро), 3) суффиксально-префиксальное образование (напр. Заозерье).

Первый тип не вызывает никаких возражений в отношении структуры словосочетания, широко представленного и в современном русском языке.

Второй тип, непродуктивный, как мы видели, в современном русском языке, и вызывает сомнение, является ли он префиксальным или непрефиксальным образованием. Приставки предложного происхождения вполне закономерное явление для русского языка. Не ясен только второй компонент такого образования. Если сохраняется неизменяемая форма имени, то обычно наблюдается переход в другую часть речи, в наречие (напр. наземь, вверх, на-гора) или образуется новая модель существительного — предлог плюс глагольная

основа (напр. прорубь, разрыв, насыпь). И только немногочисленные существительные со значением места имеют модель — предлог плюс имя существительное в именительном падеже (напр. пригород, заграница, подклеть, подотдел). Поскольку существуют имена **верх**, **гора**, **город**, **граница**, **клеть**, **отдел**, то вполне закономерно здесь говорить о префиксальном словообразовании, чего нельзя сказать об образованиях с глагольной основой. Следовательно, и топонимы соответствующего типа образования (напр. Подберезка) следует считать префиксальными, правда, возникшими путем исторической трансформации словосочетания, что прослеживается на соответствующем материале или непосредственно.

Третий тип, так называемый префиксально-суффиксальный (напр. Заозерье), может быть не только суффиксально-префиксальным, т. е. образованным путем присоединения к корню слова приставки и суффикса (напр. Замостье), но и безаффиксным образованием, когда апеллятив начинает выступать в качестве топонима (напр. Заболотье — место за болотом). На такой случай уже неоднократно указывалось исследователями.¹²⁾

Обычным для современного русского языка и широко распространенным является суффиксально-префиксальное образование со значением места, часто с приставкой и суффиксом **йот**, например: **взморье**, **заречье**, **междурядье**, **нагорье**, **надбровье**, **побережье**, **подземелье**, **предплечье**, **раздолье**. Такого же типа имеются и диалектные географические термины-ориентеры, например: **зазерье**, **заборье**, **надозерье**, **полесье**, **подлипые**.

Таким образом открытым остается только вопрос о втором типе, который может быть отнесен к префиксальному типу топонимического образования.

На территории Латвийской ССР встречаются все три указанных типа среди топонимов, и особенно среди микротопонимов, свидетельствующих о различных этапах развития **местной топонимии**.

Приведем примеры всех трех типов образования наименований различных географических объектов.

Первый тип:

остров — Под орешняк,
берег — Под Ровок, Под именьице, Под цагельню, Под Федота, Под Данишевку, Под коротенькие пожинки, Под Катю Гулю, Под Островок, Под Юренишки, Под цыганские могилки, Под еврейское кладбище,

- Под торф, Под осинняк, Под ольшины, Под орешняк, Под Туры, Под версту, Под яму, Под копаную реку, Под Грейбу,
- мель — Под могилки,
- тоня — Под перевоз, Под еврейское кладбище, Под торф, Под Вышковский рог. Под рей, Под Островок, Под елку, Под дубом, Под кладбище, Под городок, Под три ольшины, Под орешняк, Под версту, Под моленную, Под Туры, Под осинняк, Под церковь, Под школу Под березки, Под Дубну, Под техникум, Под цагельню, Под луги, Под ворота, Под между. Под Дуду Ваню, Под хлевок, Под Катю Гулю; В Путанскую губу,
- лес — На Танькином берегу,
- луг — За Михеем, За Флимановичем, За Алихновичем, За Леонихой, За бучью; Под Торфяницу. Под вешалки, Под речечку.

Все приведенные названия записаны в одной местности, в населенном пункте Вышки, и являются, по выражению местного сторожила, носителя говора, именами, т. е. наименованиями данных объектов, а не описательными ориентирами.

Как мы видим, здесь в основном распространен один предлог «под», характерный, как указывает В. М. Мокиенко¹³⁾, для псковской территории, особенно для наименования болот. Возможно, что распространение его свидетельствует о месте происхождения местного старожильческого населения, переселившегося сюда около 200 лет тому назад.

А. В. Никитин¹⁴⁾ в своих работах останавливается именно на этом первом этапе формирования топонимов данного типа, что ставит ему в упрек В. И. Тагунова,¹⁵⁾ так как ее материал свидетельствует уже о дальнейшем, втором, этапе становления таких топонимов. Но соответствующие описательные обозначения, состоящие из предложных конструкций, как указывает В. А. Никонов¹⁶⁾, являются потенциальными будущими топонимическими названиями-ориентирами.

В латышской микротопонимии также встречаются аналогичные образования, хотя они и стали фиксироваться топонимистами (В. Ф. Дамбе) только в последнее время. Это словосочетания с предлогом *pie* (у, около, под, к) плюс родительный падеж имени существительного с тем же предметно-пространственным значением, что и в славянских языках, например: *Pie egles*, *Pie gaja*, *Pie ezera*, *Pie akmeņa*, *Pie apsītes*, *Pie avotiņa*, *Pie celma*, *Pie ceļa*, *Pie gravas*, *Pie akmiņu tilta*,

Pie caurumainās apses, Pie jūras, Pie lielā grāvja, Pie lielās siek-
stas, Pie mazā grāvja, Pie mazās apsites, Pie Nadziņa, Pie nokal-
tušās apsites, Pie platā akmiņa, Pie pļaviņam, Pie pirts, Pie
pusass garajām rokām, Pie drātēm, Pie robežas, Pie tiltiņiem,
Pie upes, Pie upītes, Pie vecā tiltiņa, Pie vecā ozola, Pie vienķe-
rainā vēža. Большинство этих наименований связано с ры-
боловством и является наименованиями тоней.

Сопоставляя наименования этого типа в русском и латыш-
ском языках родственных, но более отдаленного родства, чем
славянские языки, мы видим здесь общий способ образования
микротопонимов, являющихся ориентирами. Предлоги, входя-
щие в состав этих словосочетаний, аналогичны в обоих язы-
ках, они указывают на место и употребляются при вопросах
где?, куда?, а существительные обозначают место или пред-
мет, характерный для данной местности или находящийся
поблизости, т. е. ориентир на местности. Причем такие слово-
сочетания иногда трехчленны, так как содержат определение
(прилагательное или родительный падеж существительного)
при существительном.

Второй тип.

Вторым типом является префиксальный тип как дальней-
шая ступень видоизменения словосочетания. Часто такие
образования выступают в форме множественного числа, и в
таком случае флексия выступает в словообразовательной
функции. Таким образом этот тип можно расчленить на два
подтипа: с формой имени в единственном числе и с формой
имени во множественном числе. В этом случае в латышском
языке выступают, кроме *pie*, еще приставки *aiz* (за), *pār* (че-
рез, по ту сторону — часто в сочетании с гидронимом) *pa*
(под).

Примеры в единственном числе: Подборок, Заберег, Под-
сосна; *Aizbīrzs*¹⁷, *Aizvija*, *Aizcepure*, *Aizdārs*, *Aizdumberis*, *Aiz-
elksnis*, *Aiziezis*, *Aizskuja*, *Aizkalns*, *Aizelle*, *Aizkraukle*, *Aizpīss*,
Aizpiens, *Aizpurvs*, *Aizupe*, *Aizkalniņš*, *Aizkatriņšils*, *Aizmāja*,
Aizmežs, *Aizliekna*, *Pāraploks*, *Pārdaugava*, *Pārgauja*, *Pārlin-
ceļš*, *Pārlinija*, *Pārmežs*, *Pārplava*, *Pārupe*, *Pārupīte*, *Pār-
urga*, *Pārabava*, *Pārceļš*, *Pārezers*, *Pārgrava*, *Pārlielceļš*, *Pār-
ogre*, *Pieceplis*, *Piedruja*, *Piekalns*, *Padambis*, *Padzelme*, *Pa-
egle*, *Paeža*.

Во множественном числе: Подберезки, Зазеры, Замосей,
Запаны; *Aizliekņi*, *Aizpalši*, *Aizplieni*, *Aizšķeistas*, *Aiztīreļi*,
Aizlīmani, *Aizlināji*, *Aizkārklī*, *Aizares*, *Aizbirži*, *Aizceļi*, *Aiz-
dambji*, *Aizdegļi*, *Aizdzīres*, *Aizgravas*, *Aizgrāvji*, *Aizkalni*, *Pār-
guļas*, *Pārmelderī*, *Pārpuci*, *Pārstrauti*, *Partomi*, *Piebalgi*, *Pie-*

gāzes, Piesauls, Piezari, Как мы видим, среди русских и латышских топонимов этого типа имеется формальное и семантическое соответствие, однако количественное превосходство латышских образований очевидно.

Кроме того, в латышской топонимии выступает неизменяемая форма родительного падежа единственного и множественного числа в качестве несогласованного определения к номенклатурному термину, причем в единственном числе таким образом сохраняется первичное управление предложно-именного словосочетания. Такой топонимический тип является специфически латышским и указывает на промежуточный этап в образовании префиксальных топонимов.

Приведем соответствующие примеры: Aizmuguras ezers, Aizkaru lauki, Aiziežu pļava, Aizkalna pļava, Aizpriedes muiža, Aiztiruma pļaviņa, Aizpura ciems, Aizpurvu pirs, Aizupes parkalns, Aizmeža māja, Aizmeža pļava, Pāraktu valks, Pārakuma pļava, Pārupes skola, pļava, ciems, Pārventas ciems, Pieegļu kalniņš, Pieupītes pļaviņa, Pielubāna purvs.

И еще один способ имеет место при образовании латышских топонимов префиксального типа. Это употребление особой флексии словообразовательного характера —e. В грамматиках¹⁾ ее относят обычно к словообразовательным суффиксам или называют суффиксальным окончанием, в действительности это флексия, изменяемое при склонении окончание, которое выступает как признак особой парадигмы склонения имен.

Приведем примеры: Aizkalne, Aizpurve, Aizkārkle, Piekalne, Pieakmene, Pietilte, Pārvente.

Последний случай, как видно из количества примеров, значительно менее распространен среди топонимов этого рода, но интересен как переходный этап от префиксального к префиксально-суффиксальному словообразованию.

Из сопоставления русских и латышских топонимов префиксального типа видим, что в латышской топонимии они значительно шире распространены, чем в русской. Это не случайно, хотя никаких точных статистических подсчетов пока еще не приводилось. Дело в том, что в современном латышском языке префиксальный способ образования имен существительных со значением места широко распространен и подробно описан. И именно данные латышского языка свидетельствуют о том, что это старый устойчивый способ словообразования как в апеллятивах, так и в топонимах. В то время как в русском языке он в основном сохранился лишь в топонимии. Кроме того, встречаются очень последова-

тельно и свои специфические способы образования в латышском языке как переходные от словосочетания к словосложению, так и переходные от префиксального и префиксально-суффиксальному.

Третий тип.

Префиксально-суффиксальный способ словообразования широко распространен и в русских и в латышских апеллятивах и в соответствующих топонимах. Это общий способ, но в каждом из данных языков имеется свой фонд словообразовательного материала. Поэтому на этом типе мы не будем останавливаться.

Все рассматриваемые нами топонимы образуются от нарицательных слов — ориентиров, а также от других собственных имен, топонимов, гидронимов и личных имен. Из названий-ориентиров наиболее распространенными в обоих языках являются наименования из растительного мира (деревья, кустарники и т. п.) и по особенностям рельефа местности. А поскольку местные природные условия одни и те же, то и топонимы семантически сходны.

Русские топонимы Латвии находятся на юго-востоке и граничат с исконно-русской и белорусской территориями и в значительной степени повторяют тот же лексический материал, указывая на тесную связь своего небольшого острова с восточнославянским языковым материком, а словообразование на связь со славянским языковым миром в широком плане.

Латышские топонимы, отмеченные нами, встречаются в различных местах республики, иногда значительно отдаленных от славянских территорий и поселений. Возможно, что такие латышские топонимы являются связующим звеном между западнославянской и восточнославянской топонимией, образуя один сплошной структурный ареал не общеславянского, а скорее славяно-балтийского типа и указывая на межязыковую топонимическую модель родственных соседних языков, которые на историческом пути своего развития претерпевают изменения, сближающие эти языки.

Примечания

1) Т. Лер-Сплавинский. Материалы к IV международному съезду славистов. Вопросы языкознания 1958. 3.

2) M. Kağaś Nazwy miejscowe typu Podgóra, Zalas w języku polskim i w innych językach słowiańskich. Wrocław, 1955.

3) В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., 1965.

4) А. М. Прищепчик. Микротопонимы типа За рекой, Зарака, Зарэчка. Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР. Тезисы докладов и сообщений. Р., 1966.

5) Ю. А. Карпенко. Еще о топонимической префиксации. Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР. Тезисы докладов и сообщений. Р., 1966.

6) В. А. Никонов. Русские префиксно-безсуффиксные названия. *Opomastica*, VII, 1964.

7) Ю. А. Карпенко. Там же.

8) Ю. А. Карпенко. Там же.

9) В. П. Лемтюгова. Топонимы Загай, Залессе, Зарэчнае; Ю. Г. Вылежнев. К вопросу о современном распространении топонимов типа Заберезник, Подгора на территории Пермской области. Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Тезисы докладов и сообщений. Л., 1965; А. В. Никитин. Топонимика тоней и мелей озер Калининской, Новгородской и Псковской областей. Ученые записки Московского пединститута им. Н. К. Крупской, М., 1961.

10) В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., 1965; А. В. Никитин. Там же. В. И. Тагунова. Зазеро, завраг, поддуб. Изучение географических названий. М., 1966, и др.

11) В. И. Тагунова. Там же.

12) В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., 1965; Ю. А. Карпенко. Там же; В. П. Лемтюгова. Там же.

13) В. М. Мокриенко. Псковская топонимия и местная болотоведческая терминология. Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР. Тезисы докладов и сообщений. Р., 1966.

14) А. В. Никитин. Топонимы типа «Подъяблонька» в местных названиях земельных угодий Новгородской и Псковской областей. Сб. Псковские говоры. I. II. 1962.

15) В. И. Тагунова. Там же.

16) В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., 1965.

17) Здесь и в дальнейшем примеры из латышского топонимического словаря — J. Endzelins. Latvijas PSR vietvārdi, I. R. 1956. и материалов Института языка и литературы АН Латв. ССР.

18) Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika. I. R. 1959.

К ВОПРОСУ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСАМИ
СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ В ГОВОРАХ ЛАТВИИ

В русских говорах на территории Латвийской ССР некоторые существительные с суффиксами субъективной оценки употребляются иначе, чем в литературном языке. Своеобразие употребления этих форм в говорах можно проследить по нескольким направлениям. Прежде всего следует отметить, что речь носителей говоров изобилует формами субъективной оценки с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Носители говоров предпочитают употреблять формы [карóфка], [карóвушка], а не **корова**, [кúр'ьчка], а не **курица**, [ав'эчка], а не **овца**, [лáсьчка], а не **ласка**, [дóжьк], а не **дождь**, [сóлнушкь], а не **солнце**, [йа́йчкь], а не **яйцо**, [впучкí], а не **внуки**.

При этом нередко экспрессивная форма имени существительного ассимилирует себе форму определения — прилагательного, например: [жóлт'ьн'к'ни т'нп'áтк'и], [м'э́л'ьн'к'ий п'асóчкь].

Обращает на себя внимание и следующее явление. В русских говорах Латвии, как и в литературном языке, наблюдаются случаи превращения оценочных форм существительных в самостоятельные слова, когда экспрессивное значение формы стирается и оценочные формы приобретают нейтральное значение. Это явление в говоре, однако, представлено значительно шире, чем в литературном языке. Как и в литературном языке, в говорах нейтрализовались такие первоначально экспрессивные формы, как **нитка**, **чашка**, **свечка**, **трубка** и т. п.; но кроме этого в говорах экспрессивное значение суффиксов утрачивается и в ряде других образований. В результате этого в говорах гораздо большее количество первоначально оценочных образований обособилось в качестве нейтральных лексем. Так, например, в говорах в отличие от литературного языка совершенно лишены экспрессивной окраски образования типа [мáтка], [дачка́], [д'эфка], [мы́шка], [пт'йчка], [йóжьк] и ряд других. При этом очень часто в говорах совершенно или частично утрачиваются первоначальные исходные формы. Так, например, существительное **ель** в говорах практически не встречается, а только [йóлка]; почти не употребляются существительные **сеть**, **морковь**, **картофель**, а только [с'этка], [маркóфка], [картóшка] и т. п.

Если же в речи встречаются обе формы, то в говорах чаще, чем в литературном языке, исходная форма по отношению к производной приобретает как бы некоторое увеличительное значение, например: [нош]: [но́жык], [изба́]: [изо́пка], [шчв'эл'] [шчв'элка] — щель: щёлка, [с'т'ага́]: [с'т'эшка] — тропинка и др.

Некоторые из этих производных могут в свою очередь образовывать уменьшительно-ласкательные формы второй степени, например: [изо́пка]: [изо́бъчка], [шчв'элка]: [шчв'элъчка], [квашо́нка]: [квашо́нъчка] и т. п.

Своеобразным является широкое употребление в говорах некоторых безаффиксных форм. В этом случае нейтральным лексемам литературного языка (первоначально оценочным) в говорах соответствуют формы без суффиксов; например, в говорах очень употребительны существительные [плат] — **платок**, [м'эх] — **мёшок**, [цв'эт] — **цветок**, [струк] — **стручок**, [л'агу́ха] — **лягушка**, [игла́] — **иголка** и др. Суффиксальные же образования от этих лексем в отдельных случаях приобретают уменьшительно-ласкательное значение, например: [м'эшо́к] — уменьш. к [м'эх], [брусóк] — уменьшит. к [брус].

Встречаются в говорах и параллельные лексемы (с оценочным суффиксом и без него), неизвестные литературному языку, например: [в'о́тъх]: [в'яташо́к] — последняя фаза луны, [буч]: [бучо́к] — плетеная из прутьев рыболовная снасть. Иногда при этом суффиксальные образования приобретают нейтральное значение и употребляются носителями говоров предпочтительнее, чем исходные формы, например: [но́чва]: [начо́вка] — корыто, [загу́бина]: [загу́бинка] — речной залив; [шуб'эйа]: [шуб'эйка] — сарафан; [с'т'ага́]: [с'т'эшка] — тропинка и др.

Некоторые образования с суффиксом — К — не имеют в говорах параллельных лексем (того же значения) без суффикса, например: [дúшка] — часть косы, дуга из ивового прутика, [п'áстка] — горсть.

Своеобразие говоров проявляется также и в том, что в них отсутствует ряд производно-суффиксальных форм, образованных непосредственно от исходного слова, со значением единичности. Так, в говорах нет сингулятивов типа **ягодка**, **сливка** и т. п. В говорах мы находим формы типа; [йáгъд'инка], [с'л'ив'инка], [гру́шынка], [брус'н'ичынка], [карто́шынка], [д'ър'ав'инка], [б'ар'оз'инка] как уменьшительно-ласкательные образования к сингулятивам типа [йáгъд'ина], [с'л'ив'ина], [б'ар'оз'ина], [д'ър'ав'ина] и т. п.

Нами были особо рассмотрены формы существительных женского рода с суффиксом — к — и соотносительно формы без него. Если сравнивать эти формы в говорах и в литературном языке, то можно установить следующие случаи употребления интересующих нас образований:

1. И в говорах и в литературном языке имеются параллельные формы с суффиксом -к- и без него;

1) При этом формы с суффиксом -к- в говоре употребляются в том же значении, как и в литературном языке, а именно:

а) формы с — к — имеют уменьшительно-ласкательное значение: [бар'óза]: [б'ар'óска], [капуста]: [капúстка], [рукá]: [ручка].

Иногда в говорах в образовании этих форм встречаются фонетические особенности, напр. [шэрс'т]: [шар'óстка], [даскá]: [дасэчка], [бáйн'а]: [бáйинка]; [бáл'ка]: [бáл'ьчка].

б) формы с — к — нейтрелизовались: [п'эч]: [п'эчка]; [дырá]: [дырка], [скэврадá]: [скэварóтка].

2) Формы с суффиксом — к — в говоре употребляются иначе, чем в литературном языке, а именно, суффиксальные формы в говоре нейтрелизовались, а в литературном языке сохраняют уменьшительно-ласкательное значение, например: [мыш]: [мышка], [афцá]: [ав'эчка], [пчалá]: [пчóлка], [шчв'эл']: [шчв'элка] — щель — щелка.

II. В говорах обычно употребляется только одна форма (с суффиксом — К —), которой в литературном языке могут соответствовать две формы (с суффиксом — к — и без суффикса) или одна форма, обычно исходная. При этом в говорах и в литературном языке суффиксальная форма нейтрелизовалась. Например: [н'йтка], ср. лит. нить — нитка; [йóлка], ср. лит. ель — елка, [маркóфка], ср. лит. морковь — морковка, [с'этка] = лит. сеть, [кóстка] = лит. кость, [скэт'ар'óтка] = лит. скатерть, [квашóнка] = лит. квашня.

III. В говорах встречаются обе формы (с суффиксом -к- и без него) в отличие от литературного языка, имеющего только одну форму (суффиксальную), например: [л'агúха]: [л'агúшка]: [úт'а]: [(в)úтка]; при этом в говоре форма без суффикса может приобретать некоторую эмоциональную окрашенность. Иногда обеим формам говоров в литературном языке соответствует форма без суффикса: [жн'эйá]: [жн'эйка], [кэнапл'á]: [кэнапл'элка].

IV. В говорах встречаются обе формы лексем — исходная и производная —, неизвестные литературному языку. Например: [вав'бра]: [вав'орка] — белка, [загуб'ина]: [загуб'инка] —

речной залив, [круп'эн'а]: [круп'эн'ка] — суп из крупы, [р'эп'ина]: [р'эп'инка] — часть прялки, колесико с пазиком, [пóжн'а]: [пó'жынка] — луг; [с'т'агá]: [с'т'эшкa] — тропинка и др.

Производная форма в говорах при этом может иметь, а может и не иметь экспрессивный оттенок. Экспрессивный оттенок обязательно присущ производным формам II степени, в таких параллелях, как [крóмка], [крóмъчка] — кусок, ломоть, [лы́тка]: [лы́тъчка] — часть ноги от колена до бедра, [п'áстка]: [п'áстъчка] — горсть.

ОГЛАВЛЕНИЕ

✓ 1. Н. П. Гусарова. Некоторые приемы и языковые средства создания портретных зарисовок в рассказах А. М. Горького «По Руси»	5
✓ 2. Н. А. Донц. Семантические особенности двойных глагольных бессоюзных сочетаний в рассказах А. М. Горького «По Руси»	21
3. И. Я. Элсберг. Некоторые наблюдения над употреблением местоименных форм винительного падежа ж. р. ТУ, ТУЮ, ТОЕ, ТОЮ в древнерусском литературном языке (XVIII в.)	35
4. Л. И. Немцева. Некоторые наблюдения над предложно-падежными конструкциями Псковской летописи	46
5. Н. Д. Боголюбова. К вопросу о порядке слов в Псковской I-ой летописи	69
✓ 6. М. Ф. Семенова. К вопросу о славяно-балтийских языковых связях	99
✓ 7. Н. Д. Боголюбова, Г. И. Румянцева. К вопросу об употреблении существительных субъективной оценки в говорах Латвии	107

ВОПРОСЫ СТИЛЯ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ

Ученые записки, том 115

Редактор *Н. Донец*

Корректор *М. Дукуль*

Сдано в набор 8 октября 1969 г. Подписано к печати 2 февраля 1970 г. Типографская бумага № 2. Формат бумаги 60×84^{1/16}. 7,2 физ. печ. л.; 6,7 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. ЯТ 12084. Цена 48 коп.

*Латвийский государственный университет им. П. Стучки
Рига, бульв. Райниса, 19*

Отпечатано в типографии № 23 Комитета по печати при Совете Министров Латвийской ССР, г. Елгава, ул. Райниса, 27. Заказ № 2972.

Handwritten signature
8 коп.

44 / 1090

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0508043505